

ПЕЙЗАЖ С ЧУДОВИЩЕМ

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Следствие ведет профессионал

Татьяна Степанова

Пейзаж с чудовищем

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Степанова Т. Ю.

Пейзаж с чудовищем / Т. Ю. Степанова — «Эксмо»,
2016 — (Следствие ведет профессионал)

ISBN 978-5-699-85992-4

В 1863 году в Риме, на вилле Геката, произошло жуткое преступление: на глазах обезумевшей от ужаса матери покрытый шерстью лесной монстр растерзал ее сына... Спустя тридцать лет художник Юлиус фон Клевер написал под впечатлением от той трагедии цикл картин «Пейзаж с чудовищем». Эти полотна оказывали на людей почти гипнотическое воздействие, пробуждая в их душах темное, сокровенное зло... В наши дни криминальному обозревателю Прессцентра ГУВД Московской области Екатерине Петровской предстоит распутать клубок не менее страшных и загадочных преступлений, произошедших в семье звезды шоу-бизнеса Феликса Санина. Катя пытается понять, есть ли связь между картинами Юлиуса фон Клевера и современными убийствами, всколыхнувшими фешенебельную деревню Топь в Подмосковье, где проживает российская богема...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85992-4

© Степанова Т. Ю., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	38
Глава 9	42
Глава 10	45
Глава 11	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Татьяна Степанова

Пейзаж с чудовищем

© Степанова Т. Ю., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

Вместо пролога

Из письма Проспера Мериме Ивану Тургеневу от
9 декабря 1863 г.:

«Милостивый государь,

Как жаль, что вас нет в Пасси! Я очень огорчен, что мы не повидались перед Вашим отъездом. Надеюсь, Вы дадите о себе знать из Петербурга.

Мне не терпится знать, что получится из Вашего «призрака»¹. Вы беретесь за фантастику, и меня это огорчает, хотя я не сомневаюсь, что Вы справитесь с этим отлично, и все же заблуждениям нашего легковерного века потакать не следует. Настало время борьбы с суевериями и суеверами; если не помешать их распространению, они нас сожгут.

Ожье² только что возвратился из Рима; в течение своего полуторамесячного пребывания в Вечном городе он наблюдал два чуда. Можно составить огромную библиотеку из всего, что публикуется о спиритизме. На мой взгляд, не было времени печальнее нашего...

Прощайте, милостивый государь, желаю Вам счастливого пути и скорейшего возвращения.

Преданный Вам
Проспер Мериме».

¹ Иван Тургенев работал в это время над своим рассказом «Призраки».

² Эмиль Ожье (1820–1889) – французский драматург.

Глава 2

Лесной царь

Вилла Геката. Рим 1 ноября 1863 г.

В сумерках белые павлины похожи на призраков, сотканных из сгустков тумана, опускающегося на Яникульский холм. Белые павлины – достопримечательность виллы Геката, как и невысокие пальмы, привезенные хозяевами виллы с заморских южных островов и беспорядочно высаженные среди лавровых и миртовых деревьев небольшого парка.

Однажды драматург Эмиль Ожье, услышавший крики белых павлинов, обмолвился, что так, наверное, кричат грешники в глубинах Дантова ада. Они тогда сидели в курительной втроем: Эмиль Ожье, князь Фабрицио Салина из Палермо по прозвищу Леопард и он – Йохан Кхевенхюллер – нынешний арендатор виллы Геката. Он еще тогда подумал: эти протяжные мяукающие крики совсем не подходят для той картины ада, что рисует себе порой он сам. Когда грешников – убийц, развратителей, клятвопреступников – бесы вздымают на раскаленных вилах и сдирают с них кожу, словно кожуру с перезрелого апельсина, те орут и визжат, а потом просто стонут, мычат, как животные, лишившись языков, вырванных адскими клещами.

А павлины – они просто кричат.

Вот и сейчас их крики доносятся из ночного парка, укутанного сырым туманом.

– Он бредит. Йохан, ты слышишь меня?

Йохан Кхевенхюллер повернулся от окна к жене.

– Что, Либби?

– Он бредит. *Mein Vater, mein Vater, und hörst du nicht? Was Erbkönig mir leise verspricht?* «Родимый, лесной царь со мной говорит, он золото, перлы и радость сулит». Он постоянно шепчет, читает в бреду «Лесного царя». Врач дал ему еще горькой настойки. Говорит, что опасности нет, к утру жар спадет.

– Не знал, что он любит Гете, – сказал Йохан Кхевенхюллер.

– Что нам делать, Йохан?

– Иди к гостям, Либби.

Но она не сдвинулась с места.

– Прибыл нарочный с бумагами от поверенного в делах. Я прочла сопроводительную записку – поверенный и его стряпчие придут в Рим из Вены на следующей неделе. Они собираются ознакомить Готлиба со всеми документами и дать ему на подпись акт о вступлении во владение замком непосредственно в день его рождения. В день его совершеннолетия. Йохан, да ты слышишь меня?

Он смотрел на жену.

– Они введут его в наследство согласно завещанию и положат конец твоему опекунству по формальным основаниям. Титул и так принадлежит ему по рождению – он князь Кхевенхюллер. Ему достанется все. А что будет с нами? Мы станем приживалами в замке Ландскрон?

– Когда-то это все равно должно было случиться. День его совершеннолетия. Готлиб вырос.

– А что будет с Францем? Что будет с нашим сыном? – спросила Либби. – Ладно мы. Я приму любую судьбу. Но какая участь теперь уготована Францу? Он станет приживалом в замке Ландскрон, как ты когда-то при отце Готлиба?

Францу – сыну Йохана и Либби – исполнилось девять месяцев. Когда Йохан смотрел на сына, сердце его заливала волна горячей, всепоглощающей любви. По утрам кормилица выносила Франца в парк виллы Геката. И малыш в кружевном чепчике и платьице из батиста, в

свежих пеленках смотрел на пальмы и на белых павлинов, гордо вышагивавших в траве среди клумб и зарослей мирта. Тянул пухлые ручки к фонтану, вокруг которого водили хоровод маленькие проказливые фавны, изваянные из мрамора двести лет назад. И что-то с упоением лепетал на собственном детском языке, а потом утыкался Йохану Кхевенхюллеру в плечо или в шею, когда тот брал его на руки, и моментально засыпал. А через пару минут просыпался и смотрел на отца своими голубыми глазками, так похожими на глаза Либби.

Сердце Йохана в такие минуты таяло. Он держал сына на руках и готов был ради него на все.

Ребенок был долгожданный. После свадьбы они с Либби семь лет пытались завести детей и все неудачно. А потом родился Франц. И жизнь супругов Кхевенхюллер разом изменилась.

В прежней своей жизни, до рождения сына, Йохан Кхевенхюллер считал себя добросовестным и честным опекуном своего кузена Готлиба и фактическим владельцем замка Ландскрон с его огромным поместьем, пастбищами, виноградниками и мукомольной фабрикой, расположенными в Каринтии.

Готлиб потерял отца в одиннадцать лет. И по завещанию его опекуном назначался именно Йохан – единственный близкий родственник князя Кхевенхюллера по мужской линии. Йохан был представителем младшей ветви рода Кхевенхюллеров, и в случае смерти Готлиба до совершеннолетия замок и титул перешли бы к нему. Потому что старшая ветвь рода со смертью Готлиба угасла бы.

Пока Йохан и Либби – Элизабет Кхевенхюллер – в течение семи лет не имели детей, все это представлялось формальностью, азбучной истиной. Готлиб учился в дорогих пансионах Вены и приезжал в замок Ландскрон лишь на Рождество и летом. Потом он поступил в университет, но проучился недолго. В последние два года с ним произошли разительные перемены. Он стал требовать больше денег на свое содержание, отправился в Париж, где вел весьма разгульную жизнь, посещал балы и маскарады, пропадал неделями на Монмартре у художников, являлся с парижскими проститутками. Затем внезапно сорвался в Италию – в Геную и Венецию. И там, в Венеции, стал героем ряда скандалов и едва не был вызван на дуэль ревнивым мужем.

Уехал в Рим и в середине лета подхватил жестокую лихорадку. Врачи называли ее малярией.

В конце августа здоровье Готлиба настолько ухудшилось, что Йохан и Либби, вызванные тревожными письмами слуг, вынуждены были бросить все дела в замке и вместе с маленьким сыном отправиться в Италию, в Рим, где, по слухам, умирал их воспитанник.

Но тогда, в конце августа, Готлиб от малярии не умер.

Неизвестно, на что надеялась Либби... Йохан никогда не спрашивал об этом жену. Но Готлиб не умер. Лихорадка вроде как отступила благодаря усилиям врачей. Они настоятельно советовали Йохану Кхевенхюллеру остаться вместе с семьей и Готлибом на зиму в Риме и не рисковать здоровьем кузена в австрийской зиме, полной снега, сырости и альпийских ветров.

Йохан согласился. Вынужден был согласиться. Они наняли виллу Геката на Яникульском холме. Готлиб быстро шел на поправку – молодость брала свое. Йохану он был благодарен за заботу, говорил, что они с тетушкой Либби спасли ему жизнь. Йохан старался быть ровным и благожелательным с кузенком. обстоятельно отвечал на все его вопросы, связанные с замком Ландскрон, и чувствовал, что вопросы юного Готлиба становятся все настойчивее. Когда речь заходит о скором совершеннолетии и вступлении во владение замком, в глубине его светлых глаз вспыхивает огонек.

Парень прекрасно сознавал, какие возможности сулят ему такие перспективы. Он много говорил о Париже и спрашивал, какой максимальный доход может дать поместье, – все это явно с оглядкой на чрезвычайно дорогую и роскошную парижскую жизнь.

Йохан порой наблюдал с террасы, как его молодой кузен в знойный римский полдень лежит на траве в парке в тени платана и читает. А потом приказывает кучеру оседлать лошадь и отправляется на конную прогулку в огромный соседний парк виллы Дория. Или требует коляску и едет в город – куда-то в Трастевере, а когда возвращается, от него за версту несет дешевым вином римских таверн и чужим потом. Женским потом римских шлюх, падких на юных прожигателей жизни с княжеским титулом и длинной родословной.

О том, как сложится их общая жизнь после совершеннолетия Готлиба, они с Йоханом не говорили. Йохан не мог в свои сорок лет первым начать такой разговор с этим нескладным парнем, своим кузеном, которого не так близко и хорошо знал.

Эти вопросы постоянно задавала Либби. Но не Готлибу, а ему, своему мужу.

Вот как сейчас: что станет с нами? Мы превратимся в нашем замке в приживалов? И наш сын, обожаемый Франц, тоже? Что светит ему в этой жизни, а?

Либби-Элизабет происходила из семьи венского купца. Когда Йохан женился на ней, она получила в приданое сахароварочную фабрику с паровыми машинами, производившую сахар, нугу и прочие сладости для венских кондитерских. И сначала все шло хорошо. Но затем ее отец обанкротился и тайком заложил приданое дочери у кредиторов. Много денег потребовал судебный процесс. На все эти неприятности Йохан тратил деньги, которые брал из доходов замка Ландскрон, подделывая счета и оставляя в учетных бухгалтерских книгах фальшивые записи. Он брал каждый раз некрупные суммы, чтобы заткнуть дыры. И не боялся проверок счетов со стороны поверенных в делах, обеспечивавших завещание, по которому его кузен по достижении совершеннолетия получал замок и поместье. Но вся эта возня поставила крест на любых его попытках нажить собственное состояние и стать вместе с женой Либби независимыми финансово.

И Либби это знала. Потому ее слова о приживалах звучали так зло и горько.

Чего она добивалась?

Йохан Кхевенхюллер не хотел об этом думать.

Боялся об этом думать.

Боялся заглядывать глубоко в светлые глаза Либби, страхась прочесть в них то, о чем порой думал сам.

Если Готлиб умрет от лихорадки...

Но он не умер.

Через неделю он станет совершеннолетним и хозяином замка.

Новый князь Кхевенхюллер.

Молодой князь Кхевенхюллер.

– Ступай к гостям, Либби, – снова повторил свою просьбу Йохан. – Негоже оставлять наших гостей надолго одних.

Либби глянула на него искоса и молча отвернулась. Платье-кринолин из лилового лионского шелка зашуршало. Либби изящно левой рукой подняла кринолин, так что стала чуть видна нижняя шелковая юбка, вся в оборках, надетая на обручи. И бесшумно покинула кабинет мужа.

Йохан вышел на открытую террасу. Вилла Геката имела две открытые террасы на втором этаже. Одна смотрела в парк, заросший, тенистый, огороженный старой кирпичной стеной, увитой плющом. А терраса с противоположной стороны дома открывала потрясающий вид на Рим. Вилла стояла на склоне Яникульского холма. И днем при любой погоде панорама Рима сражала своим великолепием наповал. Отсюда было особенно заметно, что Вечный город и впрямь вечен и стар как мир. Как само время. Желтый, коричневый, терракотовый – цвета Рима никогда не смешивались воедино, но вместе с тем существовали неотделимо друг от друга и от неба, что словно купол, словно воздушная гавань открывала свои бесконечные дали.

Но сейчас на виллу Геката опустился вечер. И Рим там, вдали, с террасы Яникульского холма казался скопищем сияющих огоньков. Тысяч огней, мерцающих, как светляки.

Сюда, на Яникульский холм, где римская знать издавна строила виллы, не долетали шум, гам, вонь Вечного города – крики торговцев, скрип телег, звуки мандолин, песни, пьяные вопли, гул многочисленных базаров, куда привозили товары со всего света.

На вилле Геката царила тишина. И нарушали ее лишь крики белых павлинов. И пламя старых, изъеденных коростой мраморных светильников в парке отбрасывало багровые блики на подъездную алею, фонтан с маленькими фавнами и на оконные стекла.

Йохан стоял на террасе, глядя на Вечный город, голова его была пуста.

Мысли стучались словно в наглухо запертую дверь, но он гнал их, предпочитая эту ничем не заполненную тупую пустоту.

Перед тем как вернуться к гостям, занятым оживленной беседой в ожидании ужина, он зашел в спальню Готлиба.

Там все еще находились врач и помогавшая ему служанка Франческа. Впрочем, врач уже собирал свой саквояж, наказывая служанке через каждые полчаса менять юноше холодные компрессы на лбу и в течение ночи еще трижды давать ему горькую настойку от лихорадки.

– Приступы у него будут повторяться, – сказал врач Йохану. – С этим теперь ничего поделать нельзя. Ему придется с этим жить. Но опасности в настоящий момент нет. Надеюсь, что к утру жар спадет.

Йохан смотрел на кузена. Тот лежал среди сбитых, влажных от пота простыней и подушек, на огромной кровати под балдахин из тосканской парчи. Парча местами вытерлась и выпцвела от солнца. Светлые кудри Готлиба потемнели от пота, виски ввалились, под глазами залегли коричневые тени. Он лежал с закрытыми глазами, его губы обметало от жара. И он все шептал, шептал, шептал:

– Ich lieb dich, mich reizt deine schöne Gestalt...

Дитя, я пленился твоей красотой, неволей иль волей, но будешь ты мой...

...Лесной царь нас хочет догнать,

Уж вот он, мне трудно, мне тяжело дышать...

– Бред, ваш воспитанник бредит, – сказал врач. – Лекарство поможет, пока нет оснований для волнений.

И покинул спальню, подхватив свой саквояж и пообещав вернуться утром – провести больного.

Служанка Франческа налила из кувшина в таз холодной воды и начала готовить новый компресс, чтобы сменить его на лбу юноши.

Йохан с минуту еще созерцал кузена, метавшегося в бреду на огромной дубовой кровати виллы Геката, а затем, строго наказав служанке не покидать больного, пошел к гостям.

Этот новый приступ лихорадки, обрушившийся на Готлиба два дня назад...

Они с женой Либби такого развития событий не ожидали. Честно говоря, и не надеялись даже. Потому что Готлиб казался совсем выздоровевшим.

Но врач утверждал, что опасности нет. Готлиб и на этот раз не умрет. Лихорадка потрясет его несколько дней, а потом отступит. Быть может, навсегда. Быть может, это просто рецидив. И кузен вскоре вовсе забудет о том, что когда-то болел, потому что молодость забывчива. И эгоистична.

Йохан Кхевенхюллер миновал длинный коридор и очутился на парадной половине виллы Геката. Тут располагались залы для приема гостей: салон, гостиная, столовая и будуар. Гости сидели на диванах в гостиной.

Звуки рояля...

Мадам де Жюнь наигрывала новый вальс Верди. Она привезла ноты из Милана. Йохан Кхевенхюллер нацепил как маску радушно-приветливое выражение и открыл двери гостиной.

– А вот и я, дорогие мои друзья, – произнес он самым оживленным тоном, на какой только был сейчас способен.

Взоры гостей обратились к нему.

– Как чувствует себя ваш кузен? – спросила скрипучим голосом мадам де Жюнь, прерывая игру на рояле.

– Врач сказал, что опасности нет, – бодро ответил Йохан. – Я сейчас распоряжусь, чтобы сюда подали еще лимонада и чая.

Перед тем как выйти из гостиной, он оглядел гостей. Начало ноября в Риме – еще не сезон. Только в декабре праздные туристы со всех концов Европы, из России, из Британии стекаются в Вечный город, чтобы провести в солнечной Италии зиму. Кто-то едет лечить чахотку, кто-то спасается от сердечной смуты и любовных драм, кто-то бежит от долгов и кредиторов, кто-то просто надеется развеять скуку среди античных развалин и полотен эпохи Возрождения.

Общество на вилле Геката в этот вечер – весьма тесный круг: литератор из Парижа Эмиль Ожье, с которым Йохан познакомился у графини Кастельмарко, князь Фабрицио Салина из Палермо – благородной внешности, с прямой спиной и седыми бакенбардами, три его сицилийские кузины – одна вдова и две старые девы, и мадам де Жюнь – путешественница и меценатка, тайно влюбленная в Эмиля Ожье, дама «эмансипе».

Дамы, шелестящие необъятными кринолинами, расположились на диванах и козетках. Йохан взглянул на жену Либби – она моложе всех, но выглядит усталой. И в глазах у нее что-то, что она тщательно пытается скрыть, стараясь разговаривать непринужденно. Три сицилийские кузины князя Салины – все в черном. Платья из черного атласа. Вдова носит кружевную мантилью, а ее сестры – массивные золотые броши с эмалью, приколотые на лиф. Во время прогулок сицилийки даже в пасмурную погоду не расстаются с кружевными зонтиками от солнца. Но все равно кожа на их лицах – тонкая, сухая, похожая на желтый пергамент. У мадам де Жюнь кринолин особенно необъятных размеров, по последней моде, введенной императрицей Евгенией: юбка и лиф цвета темного меда, узор из переплетенных лент и рукава в стиле «мамелюк». У мадам де Жюнь некрасивое лицо с мелкими чертами, темные волосы. В прическе – золотой гребень с цветами, и сзади обильно подколоты накладные, искусно завитые локоны.

Йохан все эти годы никак не мог привыкнуть к моде на кринолины – из-за огромной широченной юбки-колокол к женщине просто не подступиться. Он порой отказывал себе в удовольствии запросто обнять и расцеловать жену Либби, потому что объятия и все остальное, что за этим последовало бы, грозило смять кринолин и погнуть эти чертовы обручи, на которые натягивалась юбка.

Он покинул гостиную, прошел по коридору и позвонил в звонок, дернув ленту, но дворецкий не явился, поэтому ему самому пришлось отыскать горничную и приказать принести в гостиную чай, лимонад и сладости.

Когда он вернулся, то пару минут стоял за дверями гостиной и слушал, о чем болтали гости. Беседа была оживленной, все наперебой спорили, что-то доказывая друг другу.

Речь шла о том, о чем в этом сезоне не умолкали во всех гостиных и салонах, – о спиритизме.

– Добрые католики не должны интересоваться такими вещами! – пылко восклицала сицилийская кузина князя Салины – та, что вдова.

– Дорогая синьора Беатриче, надо шире смотреть на вещи, – возражал Эмиль Ожье.

– Все это веяния моды. Очередное модное увлечение, – говорил князь Фабрицио Салина. – Я никогда не поверю, что духи мертвых могут приходить по чьему-либо вызову, по чьей-то прихоти.

– Однако аббат Тритем в присутствии императора Максимилиана вызвал в черной комнате призрак супруги императора Марии Бургундской. Это исторический факт. Его занесли в придворную хронику императорские секретари, – заметил Эмиль Ожье.

– Я смотрю, вы поклонник спиритизма, – сказала Либби.

– Я открыт для любой области знаний, мадам. – Эмиль Ожье улыбался. – Новый опыт вдохновляет поэтов. Рождает идеи.

– Уж не хотите ли вы сказать, что в Париже участвовали в чем-то подобном? – спросила кузина князя Салины – одна из старых дев.

– Участвовал, и не раз.

– И что? И как? – воскликнули две кузины в один голос. – Как все прошло? Было очень страшно?

– Было интересно и... я бы сказал, необычно. Да... странные ощущения. – Эмиль Ожье чувствовал себя в центре внимания. – Медиум на одном нашем сеансе оказался очень сильным. Для начала он прочел заклинания из гримуара «Красный дракон».

– Это что, колдовская книга? – спросил князь Фабрицио Салина.

– Это богопротивная книга! – возвестила кузина Беатриче. – Дорогой Эмиль, как вы только могли читать и участвовать...

– А разве вам, дорогая моя синьора, ни разу после смерти мужа не хотелось увидеть его вновь? – спросил Эмиль Ожье.

– Да... то есть нет... Ну конечно же да! Я обожала своего мужа. Но он теперь на небесах. И нет таких сил, которые вызвали бы его оттуда.

– А может, твой Джузеппе в аду, – хмыкнул князь Салина. – Тот еще был грешник, милая сестрица.

– Ты его никогда не любил.

– Сицилия оказалась слишком мала для нас двоих. – Князь Салина глянул на входящего в гостиную Йохана Кхевенхюллера.

– Мой муж был вспыльчив, но добр душой, – голос кузины Беатриче дрогнул. – Я до сих пор оплакиваю свою потерю.

– Но вы могли бы попробовать, – тихо сказала мадам де Жюнь.

– Что?

– Поговорить с ним через медиума. Вызвать его.

– На спиритическом сеансе?

– А почему бы и нет? – спросил Эмиль Ожье.

– Я не считаю это возможным.

– Но отчего, дорогая Беатриче? – Мадам де Жюнь потянулась к ней и мягко взяла за руку, украшенную браслетами из крупного жемчуга. – Вы могли бы... да что тут такого? Мы могли бы проделать это все вместе, прямо сейчас!

– Вызвать дух моего покойного мужа?

– Я не раз участвовала в спиритических сеансах и знаю, как это происходит. Потому могла бы предложить свои услуги в качестве медиума.

– Вы, Анриетта?

Мадам де Жюнь, шурша кринолином, встала из-за рояля и подошла к круглому столу из флорентийского мрамора в углу обширной гостиной.

– Идите все сюда, садитесь вокруг стола. Мы сейчас погасим свечи, задернем шторы на окнах, возьмемся за руки. – Она достала из расшитой золотом сумочки, висящей на сгибе локтя, грифель и записную книжку и вырвала из нее несколько листов. – Эмиль, вы будете записывать. Код, как всегда, простейший: один стук – это А, два – это Б, три – это В и так далее.

Все замерли в замешательстве. Йохан смотрел на лицо кузины Беатриче – целая гамма чувств: испуг, женское любопытство, желание участвовать и недоверие к происходящему.

– Ну же, господа! – искушала собравшихся мадам де Жюнь. – Князь Фабрицио, я рассчитываю на вас.

– Я не верю в спиритизм.

– Но мы просто попробуем.

– Ну, хорошо. – Князь Фабрицио Салина по прозвищу Леопард из Палермо никогда не мог отказать женщине.

Он встал с кресла и пересел за круглый стол. Это и решило проблему. Его кузины, колыхая юбками, тоже заняли места за столом. Эмиль Ожье сел рядом с мадам де Жюн.

– А вы? – обратилась она к Либби и Йохану, занимая место медиума.

– Извините меня, – Либби развела руками, – я отлучусь, мне надо проверить Франца в детской.

И тихо выскользнула вон. Как тень.

– А вы, Йохан?

– Я пас. – Йохан Кхевенхюллер в роли хозяина подошел к окну и задернул плотные синие шторы, затем проделал то же самое у второго окна. – Я абсолютно не верю в спиритизм и в духов с того света. Если останусь, своим скепсисом я вам все испорчу. Я сейчас погашу свечи и оставляю вас. Лучше узнаю, как идет подготовка к ужину.

Неспешно обойдя гостиную, он погасил свечи во всех канделябрах.

– Беритесь за руки, – сказала мадам де Жюн, – нас за столом сейчас шестеро. Это идеальное число для вызова духов. Дорогая Беатриче, вашего мужа звали Джузеппе?

– Да, – голос кузины Беатриче дрогнул.

– Для начала мы все должны глубоко сосредоточиться. И пожелать, чтобы дух дона Джузеппе явился. Затем я прочту заклинание.

В темноте Йохан Кхевенхюллер вышел из гостиной, плотно притворив за собой дверь.

Они остались в темноте за круглым столом, крепко держа друг друга за разом вспотевшие от волнения руки.

Он пошел по коридору и увидел свою жену Либби. Она не ушла в детскую к малышу.

Она стояла в коридоре и разговаривала с горничной Франческой. Та несла пустой таз и фаянсовый кувшин из спальни Готлиба.

Йохан впоследствии думал: если бы они не столкнулись с Франческой тогда в коридоре! Если бы она не покинула спальню больного... Если бы они с Либби не ушли из гостиной...

Столько этих «если»...

– Найдешь в кладовой уксусную эссенцию. Зайди ко мне в спальню, возьми со столика синюю склянку с миндальным маслом – добавишь все это в воду для компрессов. Затем на кухне тщательно отмеришь в стакан горькой настойки, которую прописал молодому князю доктор. Да, и пойдешь в бельевую, возьми чистые простыни и наволочки для подушек. Ему надо сменить постельное белье.

Йохан заметил, что жена дает горничной слишком много заданий для одного раза.

Франческа сделала книксен и засемила выполнять указания хозяйки.

Либби обернулась к мужу. Ее глаза...

Йохан ощутил, что сердце у него в груди глухо ударило, а потом бешено забилося.

Ее глаза...

Прозрачные, как лед.

Затуманенные и вместе с тем ясные.

Что в них?

Мольба? Приказ? Решимость? Страх?

Либби подхватила свои юбки, свой необъятный кринолин и буквально бегом ринулась в спальню Готлиба. А он, Йохан, последовал за ней.

Она тихонько открыла дверь и на пороге снова обернулась к нему.

И на этот раз выражение ее лица – застывшего, с заострившимися чертами – напугало его и...

Нет, он не окликнул ее – Либби, что мы делаем? Зачем?

Он вошел в спальню к своему больному кузену вслед за женой.

В спальне пахло потом, воздух, казалось, сгустился, потому что окна долгое время не открывали. Готлиб лежал на боку, половина его лица тонула в пышной подушке. Одеяло он сбил к ногам, и оно шелковым фестоном свисало с высокой кровати.

Глаза Готлиба были закрыты, и он по-прежнему бредил – губы шевелились, но горло не издавало никаких звуков, кроме слабого сипения.

Однако Йохан Кхевенхюллер по-прежнему слышал «Лесного царя», а может, это звенело, гудело как колокол в его ушах?

Mein Vater, mein Vater, und hörst du nicht...

Лесной царь со мной говорит...

О нет, мой младенец, ослышался ты,

То ветер...

Я ему не отец, – подумал Йохан, – а он мне не сын. Мой сын – Франц, и это он – младенец, а Готлиб, он...

Ослышался ты... То ветер, проснувшись, колыхнул листья...

– Переверни его на живот, – тихо, властно приказала Либби.

Йохан глянул на жену.

– На живот. Быстро. И голову прижми покрепче. – Она схватила юношу за ноги. – Ну?

Йохан точно во сне повиновался жене. Вдвоем они в мгновение ока перевернули Готлиба на живот. Лицо его полностью утонуло в подушке. Он никак не реагировал – беспамятство лихорадки завладело им целиком.

– Голову прижми, – приказала Либби, всем своим весом налегая на ноги Готлиба.

– Дверь, – прохрипел Йохан. – Запри дверь на ключ.

Либби метнулась к двери – чуть приоткрыла ее, выглянула, убедилась, что коридор пуст, и затем закрыла и повернула ключ в замке.

Йохан обеими руками сильно нажал на затылок Готлиба, вдавливая, вминая его лицо глубоко в подушку.

Мгновение... А потом Готлиб закашлялся, и удушье словно привело его в чувство – он дернулся под руками Йохана и попытался высвободить лицо, нос, рот, попытался повернуть голову набок, чтобы дышать. Но Йохан ему этого не позволил. Руки его давили все сильнее и сильнее. Готлиб согнул руки в локтях, царапая пальцами простыни, пытаясь оттолкнуть от кровати. Ноги его сучили, комкая одеяло. Вот он снова дернулся.

Либби от двери бросилась к кровати как пантера. Она всем своим телом навалилась на ноги кузена, сковывая его движение, не давая вырваться из рук мужа.

Готлиб хрипел, тело его выгибалось. По простыням под его телом расползлось желтое пятно – он обмочился, задыхаясь.

– Крепче, – шипела Либби. – Ну?!

Йохан нажал, удерживая голову Готлиба в подушке, потом надавил коленом ему на спину. Пальцы Готлиба царапали простыню, в спальне запахло мочой.

И вдруг его тело разом обмякло.

Йохан все еще держал его, а затем резким жестом убрал руки.

Готлиб не шевелился. Йохан осторожно за волосы повернул его голову.

Глаза юноши остекленели. Он был мертв.

– Никто ничего не заподозрит, – прошептала Либби. – Никто ничего, никто, никто... Уходим, быстро.

Они ринулись к двери – мгновение, и вот уже они идут по коридору.

Йохан Кхевенхюллер не мог описать свои ощущения. Ему казалось, что прошли годы и столетия. На самом деле они находились в спальне Готлиба всего несколько минут.

– Лихорадка, – прошептала Либби. – Он болел лихорадкой. Все подумают, что он умер от лихорадки. Йохан... Йохан, ты слышишь меня?

Он остановился.

– Иди к гостям. Мне надо привести в порядок платье. – Либби указала на свой кринолин. – Потом я буду в детской, у Франца. Все должно выглядеть как обычно.

Она повернулась и, шурша юбками, двинулась прочь. Лиловый лионский шелк издавал при каждом ее шаге звук, похожий на шипение змеи.

Йохан Кхевенхюллер направился в гостиную. Он шел медленно. К счастью, он не встретил в коридоре никого из слуг.

Подошел к закрытым дверям гостиной.

В этот момент он абсолютно забыл обо всем – о том, что там гости, что они заняты спиритическим сеансом, что там темно – все свечи погашены.

Он просто дернул створки белых дверей на себя, распахнул и...

Тьма.

И в этой тьме раздался испуганный женский голос:

– Я вижу! Дух! Дух явился! Пресвятая дева, спаси и помилуй нас, это дух! Это не мой муж Джузеппе!

Другая женщина начала истерически кричать:

– Отпустите мою руку!

– Кто здесь? – раздался напряженный голос Эмиля Ожье.

И только в этот миг Йохан Кхевенхюллер понял, что собравшиеся за столом видят его силуэт на фоне света, падающего из коридора.

– Господа, это я, – произнес он.

– Йохан? – воскликнул князь Фабрицио Салина. – Я сейчас зажгу свет.

Он воспользовался огнем. Свечи вспыхнули в старинном бронзовом подсвечнике виллы Геката одна за другой.

Все, кроме князя Салины, по-прежнему сидели за круглым столом, но круг уже распался. Кузина Беатриче рыдала в голос, одна из ее кузин закрыла руками лицо, а другая мелко тряслась, словно в припадке. Эмиль Ожье выглядел бледным и встревоженным. У мадам де Жюнь был какой-то странный отрешенный вид, словно она спала с открытыми глазами. Лучше всех держался князь Фабрицио Салина, хотя голос его дрожал.

– Йохан...

– Простите, я не хотел вас пугать. – Йохан подумал в этот момент: мертвецы, они выглядят как мертвецы. А как выгляжу я сам вот сейчас? – Я решил, что вы давно закончили сеанс.

– Вы явились в тот момент, когда мы услышали стук, – сказал Эмиль Ожье. – И сочли, что это был утвердительный ответ на наш вопрос: дух, ты здесь?

– Это не мой муж Джузеппе, – всхлипнула кузина Беатриче.

– Похоже на анекдот, – заметил князь Салина.

– Еще раз приношу вам свои извинения, я не хотел вас пугать. – Йохан уже взял себя в руки.

– Мы подумали, что это дух из ада, – срывающимся голосом возвестила кузина – старая дева.

– А это всего лишь я. – Йохан подошел к камину и начал зажигать свечи в канделябрах, отдернул штору на окне.

Ночь заглянула в гостиную виллы Геката.

– На сеансах чего только не бывает, – уже совсем иным тоном сказал Эмиль Ожье. – Анриетта, дорогая, с вами все в порядке?

– Все хорошо, просто отлично. – Мадам де Жюнь, казалось, очнулась от забытья.

– Ну просто анекдот. Сюжет для литературного журнала «Послеобеденные чтения», – попытался свести все к шутке князь Фабрицио Салина.

И в этот момент где-то в недрах дома раздались женские крики. Истошно вопила горничная Франческа, призывая хозяев, а за ней и другие, поспешившие на зов слуги:

Несчастье! Какое несчастье! Молодой князь Готлиб...

В темном парке кричали белые павлины.

Сколько ни вглядывайся в темноту, их не увидишь в зарослях до самого рассвета.

А если закроешь глаза... вот так...

Йохан Кхевенхюллер закрыл.

Увидишь, услышишь, узнаешь, обретишь, потеряешь, убьешь лишь Лесного царя.

Глава 3

Лесной царь – после похорон

10 ноября 1863 года. Рим, вилла Геката

Никто ничего не заподозрил. Все подумали, что молодой князь Готлиб Кхевенхюллер скончался от лихорадки.

Заупокойная месса прошла в аббатстве Сан-Пьетро, расположенном недалеко от виллы Геката на Яникульском холме. Стоя на мессе в круглом храме Темпьетто сан Пьетро ин Монторио, воздвигнутом, по преданию, рядом с местом, где был распят апостол Петр, Йохан Кхевенхюллер думал о замке Ландскрон в Каринтии. О своем собственном замке.

О чем думала в эти дни жена Либби, он не спрашивал.

Свинцовый гроб с телом Готлиба поставили в склепе аббатства. Йохан поручил дворецкому нанять слуг для перевозки гроба в замок Ландскрон – сначала из Рима до Милана, а затем по новой железной дороге в Австрию. Готлиб, как последний представитель старшей ветви рода Кхевенхюллер, должен был упокоиться на кладбище предков в замке.

На третий день после похорон прибыл поверенный со своими стряпчими. Поверенный выразил глубокие соболезнования в связи с кончиной Готлиба. Они с Йоханом обсудили процесс его вступления в наследство, начали готовить новые документы. Йохан унаследовал титул князя Кхевенхюллера, его маленький сын Франц тоже.

Спальню Готлиба убрали и закрыли. Йохан с семьей планировал вскоре покинуть виллу Геката. Его ждал замок, ждали неотложные дела, богатство, венский двор и новое положение в обществе.

Вечером десятого ноября – ненастным и дождливым – на вилле Геката впервые после похорон вновь собрались гости. Приехали Эмиль Ожье, мадам де Жюн и князь Фабрицио Салина. Его кузины, присутствовавшие на похоронах, в этот раз от визита отказались, отговорившись недомоганием.

Йохан подумал – уж не заподозрили что-то старые кошелки? Но затем решил, что суеверные сицилийки просто трусят – их пугает, что Готлиб умер в тот момент, когда проводили спиритический сеанс. И теперь они просто боятся плохих воспоминаний.

– Смерть косит молодых, – грустно заметил Эмиль Ожье за ужином, накрытым в малой столовой.

На ужин подавали телячьи отбивные, салат латук, фрукты, жареных моллюсков, вино из подвалов аббатства. Дамы – мадам де Жюн и Либби Кхевенхюллер – были одеты как для глубокого траура: черный атлас необъятных кринолинов, черное кружево, из украшений – только серый жемчуг на золотых нитях, вплетенный в прическу.

– Молодость быстротечна, – сказал князь Фабрицио Салина. – Каждому положен свой предел, но печально, когда это происходит так рано. По крайней мере, он пережил своего отца.

Mein Vater, mein Vater, und hörst du nicht...

Это донеслось до Йохана Кхевенхюллера – нет, не как эхо, и не как зов, и не как шепот спекшихся от жара, посиневших от удушья губ, а как... трудно описать как что – скрежет... царапающий нервы звук, словно где-то кто-то провел острыми когтями по мраморной гладкой плите, оставляя на ней глубокие борозды.

Я ему не отец. Он мне не сын...

Йохан Кхевенхюллер потянулся за бокалом вина и сделал большой глоток.

В этот момент он услышал – уже наяву – еще один странный звук: короткий безумный вопль – что-то среднее между визгом и мяуканьем, долетевший из темного ночного парка. Этот вопль услышали и гости.

– Белые павлины под дождем хандрят, – сказала мадам де Жюн.

– Кто-то охотится на них, – сказал князь Салина. – Не удивлюсь, если вы, Йохан, завтра утром обнаружите в парке парочку этих птиц, выпотрошенных, со сломанными шеями. Тут, на Яникуле, полно одичавших котов.

– На следующей неделе мы покидаем виллу Геката, – сообщил Йохан. – Возвращаемся домой.

– Вас будет не хватать в Риме в этом сезоне. – Князь Салина подбирал слова. – Надеемся увидеть вас в Италии снова.

Свечи в канделябрах потрескивали. Разговор не клеился, и это чувствовали все. Обычная салонная болтовня и сплетни в дни траура неуместны. О спиритическом сеансе никто не упоминал. Хотя Йохан видел по глазам Эмиля Ожье – этого писаки, что он не прочь поднять эту тему. Но правила приличия замыкали говорливому французу уста.

Йохан был уверен: Ожье, как и его сицилийских кузин, глубоко потряс тот факт, что смерть юноши совпала с ритуалом вызова духов. Для человека, увлекающегося спиритизмом, а таковым Эмиль Ожье, по его собственным словам, являлся, это имело глубокий смысл.

Черт с ним, – думал Йохан, – пусть и дальше забавляется этой ерундой. Главное, что он не задает нам с Либби никаких вопросов и не связывает наше отсутствие на сеансе с его смертью.

И тут новый душераздирающий вопль донесся из парка. Казалось, что он прозвучал совсем рядом – под самыми окнами виллы Геката.

– Это уж точно не белые павлины, – сказала мадам де Жюн.

– Дикие кошки. – Князь Салина встал из-за стола и подошел к темному окну. – А дождик-то перестал.

В окно заглянула луна – вид у нее в разрыве косматых туч был нездоровый, блекло-зеленый. Заглянула и снова скрылась.

Хотя в столовой не ощущалось ни малейших сквозняков, пламя свечей в двух канделябрах, стоявших на столе, дернулось, заплесало, фитили затрещали. И эти две свечи в двух разных канделябрах одновременно погасли.

– Когда дождь, у меня всегда мигрень, – пожаловалась мадам де Жюн.

– А у меня подагра, – горько констатировал князь Салина. – Будь она неладна. Ногу грызет, словно старый вурдалак кость на кладбище.

Йохан взглянул на жену Либби. Она сидела молча, не поднимая глаз. И была прекрасна в своем глубоком трауре, черный атлас и кружево оттеняли благородную бледность ее щек и нежность кожи. Тонкие пальцы теребили салфетку.

Йохан вспомнил, как они вдвоем убивали Готлиба, как душили его в потной мокрой постели и как жена его Либби этими своими тонкими прекрасными пальцами с почти мужской силой удерживала его судорожно дергавшиеся ноги.

Он ощутил тошноту, дурноту. Свет померк перед глазами. Казалось, что потухли все свечи в столовой. Но нет, они горели. Кроме двух.

Я ее возненавижу, – подумал Йохан, – А она меня. Ничто уже не будет так, как прежде...

Либби отложила салфетку и поднялась.

– Я отлучусь на минуту, мне надо проверить малыша, – сказала она, стараясь улыбаться гостям. – Угощайтесь, дорогие мои, сейчас подадут еще вина.

Шелест кринолина... черный атлас...

Этот звук уже не напоминал шипение ядовитой змеи, как тогда в коридоре, когда они спешно покидали место убийства. Плотный шелк просто шуршал.

Где-то в недрах дома послышался какой-то негромкий стук. Словно от сквозняка хлопнула дверь или окно.

– Замок теперь будет поглощать все ваше время, – сказала мадам де Жюн, обращаясь к Йохану. – Судя по описаниям, это великолепное поместье.

Йохан рассеянно кивнул. Он глядел на пламя свечей. Оно казалось таким желтым, болезненно-желтым, похожим на горячий гной.

– Там ведь у вас виноградники? – спросил князь Салина, оживляясь. – И сколько бочек вина вы производите?

Йохан начал подробно рассказывать и сам не заметил, как увлекся. Замок Ландскрон, сама мысль о том, что он теперь его полновластный хозяин, могла победить любую хандру, любую тревогу!

Разговор зажурчал, превратившись в обычную вежливую беседу за ужином.

Либби Кхевенхюллер из столовой направилась прямо в детскую. В этот раз она никого не обманывала. Она действительно хотела проверить маленького Франца и его няню. Перед ужином Либби уже навещала малыша. Франц только что поел, кормилица хвалила его за то, что он ничего не срыгнул.

Подхватив атласные юбки, Либби плыла по коридору. Взгляд ее привлекла дверь бельевой, распахнутая настежь.

Она удивилась и заглянула туда. Бельевую освещал лишь сальный огарок свечи. По полу разбросаны пеленки, словно их уронили чьи-то неловкие руки. А на стуле, свесив голову на грудь, сидела няня Франца Эрика – молодая крестьянская девушка, привезенная семьей Кхевенхюллер из замка Ландскрон.

Либби остолбенела. Поза и вид молодой няньки, распластавшейся на стуле и не отреагировавшей на появление хозяйки, в первый момент привели ее в замешательство, а затем вызвали острую тревогу. Сначала она решила, что нянька пьяна. Протянула руку, потрясла девушку за плечо. Голова няньки откинулась назад. Либби испугалась еще больше, решив, что девушка умерла. Но тут она заметила, что нянька дышит. Эрика спала. И продолжала спать этим странным сном, похожим на морок, несмотря на все усилия хозяйки ее разбудить. Либби трясла ее что есть сил, но глаза няни были закрыты. Она мерно дышала, но не просыпалась.

Либби испуганно оглядела бельевую: пеленки разбросаны. Няня пришла сюда за чистыми пеленками для Франца... И что? Рухнула на стул, вот так, в одночасье, мертвецки заснув? А Франц? Малыш один в детской? Няня всегда спала там, она не оставляла малыша одного, и вот теперь...

Что происходит?

Либби выбежала из бельевой и ринулась по коридору в детскую. Она открыла дверь и сразу поняла – что-то не так.

Холодно в детской.

Окно настежь, и ночной ветер колышет легкие занавески.

В детской – кромешная тьма. Обычно по ночам тут всегда горит ночник, потому что маленький Франц боится темноты. Но сейчас ночник погашен.

Кроватка Франца...

Либби сделала шаг через порог и...

Этот звук.

Шорох в темноте. Царапанье и какое-то хлопанье, чавканье.

Либби прижала руку к груди. Эта тьма в комнате – как чернила. Здесь гораздо темнее, чем за окном в парке.

Снова этот звук. Хруст. Словно что-то с силой оторвали.

Либби повернулась и побежала в бельевую за свечой. Она не могла объяснить себе тот факт, что испугалась этой тьмы в детской и сразу не подбежала к кроватке, где спал ее долгожданный первенец.

Свеча... надо взять свечу и посветить.

Надо увидеть, что там.

Схватив свечу и оставив так и не проснувшуюся няньку в бельевой, она бегом вернулась к двери детской и высоко подняла свечу над головой, освещая темное пространство комнаты.

Но огарок давал слишком мало света. Она увидела темные углы, ковер на полу и...

Стеганое атласное одеяльце Франца валялось на ковре. По нему расплзлись алые пятна. Тут же на ковре валялись маленькие кружевные подушки – они были все пропитаны алым.

– Франц, детка!

Либби медленно, потому что ноги в одночасье стали ватными и отказывались ее нести, прошла по коврам к подушкам.

Они были пропитаны свежей кровью. На ковре – лужа крови и что-то там белеет.

У Либби потемнело в глазах.

Снова этот звук. Хруст. Хлюпанье.

Угол, где стояла кроватка ребенка, по-прежнему был темным.

Либби сделала еще несколько шагов и споткнулась обо что-то.

Как во сне она наклонилась и подняла *это* с пола.

Это была оторванная, отгрызенная по колено детская ножка. Ножка младенца.

Либби издала душераздирающий визг и выбросила руку со свечой перед собой, словно защищаясь.

Пятно света упало на темный угол с кроваткой.

Оттуда, из тьмы, с пола поднималось *нечто*.

Оно не походило ни на человека, ни на какое другое существо, известное Либби.

Приземистое, заросшее шерстью, тощее, но полное мощной первобытной силы.

Как угли сверкнули глаза.

Пасть ощерилась.

В скрюченных руках... нет, это были лапы – цепкие, с кривыми когтями – было зажато тельце ребенка.

На глазах Либби тварь поднесла младенца к морде и вцепилась в него зубами.

Либби визжала от ужаса. Она не осознавала происходящее. Она не знала, кто и что эта тварь, обликом похожая не на человека, нет, и не на зверя, а на дикую, небывалую в природе помесь, на жуткого демона с окровавленной пастью.

Крик Либби разнесся по всему дому. Он потряс виллу Геката до основания.

Тварь грозно зарычала. Выдрала из тельца ребенка кусок плоти, а затем швырнула останки в Либби.

Либби ощутила удар в живот. Тельце ее первенца упало к ногам. Его кровь обагрила ее кринолин.

Тварь в два прыжка на четвереньках пересекла детскую и вспрыгнула на подоконник. Она обернулась, сверкнула глазами. Черты ее странным образом изменились, словно из-под звероподобной маски выглянуло другое лицо – знакомое, но не менее жуткое, мертвое. Это длилось лишь мгновение.

А затем чудовище пропало в черном прямоугольнике окна.

По всему парку в страхе орали белые павлины, разлетаясь по кустам, словно комья снега.

В доме слышались голоса слуг, гостей.

Йохан Кхевенхюллер кричал: «Либби, что случилось?»

Первыми в спальню прибежали дворецкий и горничная Франческа, за ними перепуганные Эмиль Ожье, князь Салина, Йохан и мадам де Жюнь.

Они увидели Либби в центре комнаты, среди разбросанных подушек, пропитанных кровью. У ее ног лежало растерзанное тельце Франца.

Либби не могла вымолвить ни слова, она лишь визжала и визжала на тонкой высокой ноте иииииииииииииииииииии!!!

И протягивала к ним руки – в левой был зажат огарок свечи. А в правой – оторванная по коленку ножка младенца.

Кровь из разрыва тяжелыми каплями падала на пол.

Глава 4

Эмоции художника

10 ноября 1893 года. Вена

Тридцать лет спустя после событий на вилле Геката

– Это просто легенда. Темная суеверная небылица.

– Однако эта темная суеверная небылица сводит его с ума.

Разговаривали двое молодых людей в просторной комнате с большими окнами, заставленной подрамниками с холстами, столами, на которых громоздились картон, банки с красками, кисти, растворители, банки с олифой и скипидаром, запачканная краской ветошь.

Комната располагалась в Вене, в полупустой семикомнатной квартире на третьем этаже доходного дома, выходящей окнами прямо на знаменитую Башню Сумасшедших. Меблированными в квартире были всего три помещения: кухня, спальня и гостиная, служившая одновременно столовой. Квартиру нанимал художник из Санкт-Петербурга Юлиус фон Клевер, которого ученики и приятели звали Юлий Юльевич. Еще две самые большие комнаты своей венской квартиры он оборудовал под мастерскую, где писал картины маслом, и под салон, где он одновременно готовил краски и выставял на подрамниках готовые полотна для владельцев венских художественных галерей и богатых любителей живописи.

Ученик и подмастерье фон Клевера Петя Воскобойников – двадцатилетний художник – только что вернулся с рынка с корзинкой свежих продуктов и склянками понижающих жар лекарств, купленных в аптеке. Его собеседник – постарше, но тоже молодой – звался Аполлоном Дерюгиным. Он служил у фон Клевера секретарем и агентом по сбыту художественных полотен. Оба они приехали в Вену вместе со своим патроном и сейчас горячо спорили о предмете, как им казалось, первостепенной важности.

– Она была сумасшедшей, эта женщина, Элизабет Кхевенхюллер. Этому делу вообще тридцать лет. Если бы Юлию Юльевичу не попался в поезде номер журнала с описанием уголовного процесса над супругами Кхевенхюллер, вообще бы ничего не произошло. А он прочел от скуки и словно заболел этой темой. Сколько я потом ему книг перетаскал из венской библиотеки, где описывается эта чертова легенда! – Петя Воскобойников сжимал в руках склянки с лекарствами. – Об этом столько писали разной суеверной чуши, что умом можно тронуться!

– Элизабет Кхевенхюллер, между прочим, держали вон там, в закрытой палате, – заметил Аполлон Дерюгин, кивая на окно. – Когда это еще была больница для умалишенных.

За окном – Башня Сумасшедших. Круглое многоэтажное кирпичное здание с окнами-бойницами, мрачное, массивное, служившее когда-то психиатрической клиникой и тюрьмой для безумцев, совершивших убийства.

– Юлий Юльевич, когда это узнал, здесь, в Вене, выбрал именно эту квартиру. И картины те писал, смотря из окон на окно камеры – палаты, где ее держали, – продолжил Аполлон. – Я уже тогда заметил, когда он написал первую картину, – что-то не так с нашим дорогим Юлием Юльевичем. Дальше – хуже: второе полотно, третье. А когда он начал писать четвертое, он был словно не в себе.

– Так же, как с «Лесным царем», – сказал Петя, кивая на подрамник, где являла себя зрителям картина Юлиуса фон Клевера «Лесной царь», столь будоражащая умы. – Он тоже тогда вел себя как одержимый. Зато сейчас у нас отбою нет от предложений владельцев галерей. Все хотят приобрести «Лесного царя».

– Я думал, что эти картины никто не купит, – Аполлон кивнул на три других полотна, выставленных на подрамниках. – Я думал, что такие вещи просто побоятся... ну, не знаю, я бы

не стал вешать это на стену у себя в гостиной или в кабинете. Ей-богу, мороз по коже. Но нет, очень выгодные предложения на все четыре полотна. Просто царские предложения. Можно считать, что они уже проданы.

Оба собеседника как по команде обернулись и глянули на три картины.

Вилла Геката... Кто видел, мог бы сразу узнать ее на первом полотне. Кто не видел, того бы поразило в этой первой картине из четырех нечто другое.

– Надо было махнуть с этими полотнами в Париж. Там бы выручили вдвое больше, – вздохнул Петя.

– Юлий Юльевич терпеть не может импрессионистов. Здесь, в Вене, конечно, сплошной бидермайер, но много уже и новых весьма оригинальных художников. Однако патрон резко выделяется и на их фоне. Он мне как-то признался, что и в Петербурге ему тесно: передвижники, Репин, Левитан, Шишкин – просто засилье традиций. А наш патрон вне традиции, хотя и пишет в академической манере. Но одно дело оригинальность, а другое – болезнь, одержимость. Вот о чем я толкую.

– Ему эта история со старыми убийствами покоя не дает. То, о чем болтают суеверы, когда эту легенду рассказывают, – заметил Петя. – Не спорю, это было кошмарное происшествие, но то, что рассказывала на суде эта больная женщина Либби – Элизабет, просто ни в какие ворота. Кто в конце нашего девятнадцатого века в такое поверит? И тогда, тридцать лет назад, тоже не верили. Ее обвинили в детоубийстве, а перед этим она призналась, что вместе с мужем совершила убийство его кузена из-за наследства, из-за замка в Каринтии. Два убийства, извращенный больной ум. Ее мужа Йохана Кхевенхюллера до самой смерти держали в тюрьме. Я Юлию Юльевичу подробно рассказывал все, что узнал из газет. Но он слушать ничего не хочет. Его интересует лишь легенда. Все эти несусветные ужасы.

– И в горячке он тоже все время об этом бормочет, – сказал Аполлон Дерюгин. – Врач только разводит руками – бред фантастический. Он на эмоции художника грешит. Мол, ваш патрон – творческая личность. Мир воспринимает по-особенному, страшные легенды тоже.

– Вот лекарство. Давать ему не пора? – озабоченно спросил Петя.

– Да, как раз время. – Аполлон глянул на часы – луковку на цепочке, вытащив их из кармана жилета.

И в этот момент они услышали в соседней комнате – мастерской – шум. Что-то упало.

– Он в мастерской. С постели поднялся – надо же! Врач ему строго-настрого запретил, приказал лежать, пока такой жар, – Аполлон всплеснул руками. – Слада с ним нет!

Они оба пересекли салон и распахнули двустворчатые двери, ведущие в мастерскую. Эта комната-зал имела два входа. В нее можно было попасть не только из салона, но и из спальни, через гостиную. Юлиус фон Клевер считал это удобным.

В мастерской – сильный терпкий запах свежей краски.

Ученики узрели своего патрона посреди комнаты, у подрамника, на котором была укреплена картина. Четвертая из цикла о вилле Геката. Цикл из четырех картин имел название – Юлиус фон Клевер сам его придумал. Однако его секретарь и подмастерье избегали произносить это название.

Юлиус фон Клевер – невысокий мужчина средних лет с темными волосами, обычно аккуратно расчесанными на прямой пробор, почти прилизанными и смазанными помадой, а сейчас дико растрепанными, – действительно поднялся с постели. На нем были кальсоны, домашние тапочки и рабочая блуза художника, натянутая прямо на ночную сорочку. Стеганный халат валялся на полу. Юлиус фон Клевер порой, не замечая, наступал на него ногами.

Его лицо покраснело от жара.

Полотно на подрамнике уже было густо закрашено серой краской, а теперь Юлиус фон Клевер резкими жестами наносил поверх краски еще и грунтовку.

– Юлий Юльевич, что вы делаете?! – воскликнул Аполлон. – Вы уничтожили свою картину!

– Это не должно существовать... я не могу... это невозможно. – Фон Клевер буквально бросал грунтовку на холст.

– Юлий Юльевич, опомнитесь! – всполошился его ученик Петя.

– Нет, нет, нет, нет! – фон Клевер почти кричал. – Это выше моих сил. Это невозможно. Это надо уничтожить, не то я попаду вон туда, – он указал кистью в окно, в сторону Башни Сумасшедших. – Это тьма, мрак... Он затягивает меня туда... убивает... Это все должно быть уничтожено! Несите три другие картины!

– Юлий Юльевич, нет! Их уже купили, у нас покупатели, – Аполлон попытался урезонить патрона, поднял с пола халат, попытался накинуть ему на плечи. – Юлий Юльевич, дорогой, ну что вы в самом деле?

– Несите картины, черт вас раздери! – заорал фон Клевер не своим голосом. – Делайте, что сказал, бездельники, не то уволю всех к чертям! Я вам покажу... вы не смеее перечить!

Он никогда прежде не вел себя так. Ученик и секретарь никогда слова грубого не слыхали от милого, доброго, интеллигентного питерского немца.

Этот безумный вопль словно отнял у него последние силы. Фон Клевер внезапно уронил палитру с грунтовкой, схватился за голову, словно она раскалывалась на части, и он попытался удержать ее от распада, и начал заваливаться на бок.

Петя и Аполлон едва успели его подхватить. Их патрон лишился чувств.

Они отнесли его в спальню, уложили в кровать. Петя со всех ног бросился за доктором, благо тот жил в соседнем квартале.

Доктор явился, начал хлопотать. Они все спрашивали: это что, удар? С ним удар?

Но доктор заверил, что это всего лишь обморок от сильного жара. Он привел фон Клевера в чувство при помощи нашатыря, напоил лекарством и остался дежурить у постели больного.

Воспользовавшись моментом, Аполлон Дерюгин вызвал Петю на кухню и наказал ему тут же упаковать три оставшиеся картины в бумагу, увязать веревками и дуть что есть силы в художественную галерею братьев Гирш, вручить картины для выставки и продажи с тем, чтобы покупатель, предложивший за три полотна максимальную цену, сразу бы получил картины в собственность и заплатил бы деньги.

Петя недолго возился с упаковкой – через четверть часа он уже ехал на извозчике по Вене, вез три картины. Как ни странно, о четвертой, замазанной картине он не сожалел.

Глава 5

Пейзаж

Наши дни. Подмосковье

30 мая

– Как же здесь красиво! Прямо пейзаж садись и пиши.

Шеф криминального управления полковник полиции Федор Матвеевич Гушин произнес это с чувством неподдельного восхищения.

Катя – Екатерина Петровская, криминальный обозреватель Пресс-центра ГУВД Московской области, – процентов на восемьдесят была с ним согласна.

Они стояли на берегу Истринского водохранилища. И темно-зеленая водная гладь расстилалась перед ними до горизонта. В сером жемчужном свете ненастного, но теплого утра – часы показывали половину шестого – воздух над водой пропитался капельками тумана. Но эта взвесь, эта морось лишь добавляла картине колдовского очарования. Слева темнел лес, подступавший почти к самой воде, и столетние ели отражались в водной глади словно пирамиды – зелень хвои сливалась с зеленью воды, сгущала тени.

Там, откуда Гушин и Катя созерцали расстилавшийся перед ними пейзаж, берег был пологий и топкий, заросший кустами. Справа открывался вид на луга – изумрудные, с дымкой пара, курившегося над травой. За дальней рощей виднелись крыши каких-то строений.

Вдалеке по воде плыла маленькая белая яхта под белым парусом. И Катя этому немало изумлялась, потому что над Истринским водохранилищем царил полный штиль. Но яхта скользила по воде, словно призрак. И было так тихо, так покойно, что даже синие мигалки полицейских машин, оставленных на берегу подальше от топкого заболоченного берега, крутились, сияли беззвучно и походили просто на синие огни, волшебнo мерцающие сквозь хвою.

Всю эту подмосковную истринскую идиллию нарушало лишь одно обстоятельство: эксперты из ЭКУ, облаченные в защитные костюмы и высокие резиновые сапоги, тихо чертыхаясь, кружили, словно в танце, возле мертвого тела, вытященного ими с великим бережением из воды на берег и теперь буквально утопающего в грязи и тине.

Эксперты подсовывали под раздувшийся труп брезент, чтобы отволочь его в мало-мальски сухое место чуть выше по пологому склону. Но грязь держала свою добычу цепкой хваткой. Эксперты по щиколотку увязали в тине, все это месиво чавкало у них под ногами, и труп выскальзывал, пачкался и приобретал еще более жуткий и отталкивающий вид, хотя и в воде во время обнаружения выглядел страшно.

Полковник Гушин с силой хлопнул себя ладонью по глянцевої лысине – убил спикировавшего комара. В отличие от Кати он тоже оделся в защитный комбинезон из синей болоньи, позаимствованный у экспертов. И сейчас выглядел в нем нелепо, словно толстый карапуз.

Катя оделась тепло, однако в спешке забыла самое главное – резиновые сапоги. Впрочем, их у нее и не было. Но кроссовки для прибрежной топи явно не годились. И поэтому она лишь терпеливо ждала, переминаясь с ноги на ногу, когда труп подтащат поближе, то есть повыше, уложат на траву, и можно будет к нему подойти, чтобы...

Нет, лучше этого не видеть. Катя достала из сумки бумажную салфетку и поднесла к губам и к носу.

Она себе все это как-то иначе представляла – честное слово! В тот момент, когда полковник Гушин сам лично ей позвонил по мобильному – а на дисплее как раз высветилось 4.15 (это в субботнее-то утро!) – и тоже явно спросонья хрипло прокаркал: просыпайся, одевайся. На Истре убийство. Ты мне там пригодишься.

И Катя сползла с постели, словно улитка, встала под горячий душ в ванной и нацепила на себя все теплое: джинсы, майку, толстое худи, стеганую жилеточку и плотную парку-ветровку с капюшоном. Как капуста – сорок одежек и все без застежек – зато не промокнешь под моросью дождливого утра. Она села в машину Гущина – он лично «подхватил» ее на Фрунзенской набережной, у ее дома, – угнездилась на заднем сиденье и снова впала в дрему. Такая рань, что вы хотите от меня...

И где они там ехали на эту Истру, по какой такой пустой автотрассе – по Новой Риге или еще где-то, куда поворачивали – все это ей было до лампочки.

А потом она увидела узкую новую дорогу, отличного качества, с подсветкой, проложенную сквозь хвойный бор, и дальше увидела забор, забор, забор, забор – сплошную стену, составленную из бетона и металлических прутьев, уводящую куда-то в неизведанную даль.

Тут совсем рассвело, и они подъехали к автоматическим воротам и низкому зданию с черепичной крышей. И Катя увидела еще много полицейских машин, а за воротами – охранников в униформе какого-то ЧОПа. После обстоятельных переговоров ихпустили туда – на территорию. Караван полицейских машин, сияя мигалками, однако с выключенными сиренами, растянулся по дороге.

Катя спросила у Гущина:

– Федор Матвеевич, что это за место?

Гущин ответил:

– Это деревня Топь.

И тут Катя разом проснулась. Сон отлетел, словно по волшебству. Ибо кто в Подмосковье (а тем более в подмосковной полиции) не слышал про деревню Топь, столь же знаменитую, как и деревня Грязь!

Однако, опять же, никаких деревень она по пути – а ехали весьма прилично – не увидела. Из строений узрела лишь одноэтажные, крытые черепицей здания – это оказались конюшни. В просторном загоне паслись лошади. Они провожали полицейские машины недоуменными взглядами.

Никаких людей в этот ранний час ни возле конюшен, ни на дороге. А потом они пересекли луга, и за лугами открылся вид на Истринское водохранилище.

У самого берега плавал вздувшийся труп. Его, как доложили Гущину сотрудники Истринского УВД, первыми прибывшие в Топь, обнаружила охрана, утром совершавшая объезд берега по воде на моторной лодке. Мощный винт лодки спровоцировал всплытие трупа со дна. И он, колтыхаясь и вращаясь, как юла, внезапно возник у самой кормы под испуганные возгласы охранников.

Те не бросили его, не растерялись, подцепили веслом и на тихом ходу, волоча за лодкой, отбуксировали к самому берегу. Однако вытаскивать на сушу сами не стали, позвонили в полицию.

И вот теперь над трупом деловито и хмуро склонялись эксперты в защитных костюмах.

Катя, еще когда издали, с берега, наблюдала за их работой, поняла, что труп – женский. Это было пока единственное, что можно определить – по одежде, мокрой, вымазанной грязью и тиной.

– Утопленница? – спросила она.

Гущин не ответил. Он хлопнул себя по щеке, убил очередного комара и, широко шагая, направился вниз по склону к экспертам.

– Она утонула, да? Несчастный случай? – вдогонку спросила Катя.

И тут же вспомнила: он же по телефону ей сказал – на Истре убийство.

Значит, он сразу понял, что труп криминальный.

Скользя подошвами кроссовок по мокрой траве, она спустилась вниз. В нос ударил запах тины и разложения.

На брезенте лежало распухшее тело женщины, к вздувшимся пальцам присосались пиявки. На лицо было страшно смотреть: белая кожа с синюшным оттенком, словно брюхо гнилой рыбы. Черты лица искажены дикой гримасой, рот приоткрыт, и между зубами...

Тут Катя не выдержала и на минуту отвернулась.

Не идиотничай! Соберись!

Она снова обернулась, но старалась глядеть лишь на туловище и ноги: розовая ветровка вся в черной грязи, такие же грязные джинсы. На правой ноге слипон – синий, на белой подошве, левая – босая, и к ступне тоже присосались пиявки.

– Давность невеликая, – констатировал Гушин, закуривая сигарету, чтобы перебить запах тины и тлена.

– Не более полутора суток, – уточнил эксперт, щупая рукой в резиновой перчатке кожу на тыльной стороне кисти жертвы. – Она в воде пробыла сутки плюс еще шесть-восемь часов, не больше, судя по состоянию тканей и степени их разрушения.

Другой эксперт в этот момент осторожно повернул голову трупа набок, и все они увидели то, что до этого момента было скрыто.

На шее, в распухших складках кожи, утопала туго затянутая петля.

До Кати не сразу дошло, что это цветной шелковый шарф, весь замазанный грязью и покрытый прилипшими водорослями.

– Задушена, – сказал Гушин.

– Да, ее задушили. Однако лишь вскрытие даст ответ, удушение или утопление стало причиной смерти.

– Воду в легких станете искать? – спросил Гушин. – Так ее там нет, голову даю на отсечение. Девчонку задушили и бросили в воду с целью сокрытия убийства. И ДНК вы теперь ни хрена не найдете, раз труп больше суток в воде болтался.

– Вы всегда спешите, Федор Матвеевич, – сухо возразил эксперт. – Предоставьте нам делать нашу работу и подождите заключения патологоанатома.

Гушин кивнул.

– Работайте, работайте. Я как услышал от истринских, что у нее эта дрянь на шее намотана, иллюзии утратил.

– Возможно, это ее собственный шарф, им и задушили. Мы его снимем в прозекторской, сейчас трогать не будем, – эксперт осматривал удавку на шее утопленницы.

– Сколько лет девчонке? – спросил Гушин.

Катя не понимала, отчего он так упорно повторяет «девчонка». По искаженному гримасой удушья и признаками разложения лицу возраст ну никак не определишь. Утопленнице могло быть и сорок лет, и тридцать, и...

– При визуальном осмотре – от двадцати до тридцати.

– По состоянию зубов точнее скажете?

Эксперт лишь глянул на него.

– Двадцать пять, не больше. – Гушин указал на руку утопленницы: – Татуировка, колечко-неделька, браслетик фиговый, дешевенький, в форме резинки...

Эксперты осторожно осматривали тело, одежду, собирали что-то пинцетами в пластиковые емкости, паковали. Гушин курил и вроде бы думал о чем-то постороннем, однако Катя знала – он, несмотря на все свои словесные опусы, внимательно наблюдает за работой экспертов.

Все сильнее пахло тиной, речной водой.

Свет над Истринским водохранилищем из утреннего жемчужно-пепельного стал пастельным.

– Ни документов, ни денег, – сообщил эксперт, руками в перчатках обшаривая одежду утопленницы. – Социальная карта, кредитки и в воде бы сохранились, но ничего такого нет.

– Если и была сумка, то она сейчас на дне, – сказал Гушин. – Или убийца ее забрал.

– Ограбление? – спросила Катя.

– Ограбление в деревне Топь? – Гушин бросил окурок.

К нему подошли сотрудники Истринского УВД, он начал расспрашивать их.

– Местность здешнюю знаете?

Истринские покивали, покашливали.

– Я думал, тут все огорожено-перегорожено, стены крепостные вокруг замков, а стен не видно. – Гушин озирает луга и рошу, затем обернулся к водохранилищу.

Избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне передом, – не к месту вспомнилось Кате.

– Ограда только по периметру территории, – доложили истринские. – Всего здесь шестнадцать гектаров угодий. И четыре так называемых домовладения. По четыре гектара на каждое.

– Именья-дворцы, – констатировал Гушин. – Владельцев знаете?

Истринские снова покивали, покашливали.

– Эта дорога куда ведет? – спросил Гушин, ткнув в сторону шоссе, где на обочине припарковалось большинство полицейских машин.

– К проходной, к воротам, но идти прилично, Федор Матвеевич.

– А там что? – он указал на противоположный конец.

– Там эллинги для парусных яхт, причал для лодок.

– Я так понимаю, что тело сюда течением отнесло, хотя и слабое оно здесь, – заметил Гушин. – Убили жертву где-то в другом месте, однако недалеко от воды. – Он смотрел в сторону леса, подступающего к дороге. – Тот лесок дорога пересекает?

– Да, там идти меньше полукилометра, и там спуск к водохранилищу.

– Прочешите окрестности, побеседуйте с охранниками на проходной, запросите пленки видеонаблюдения за четыре предыдущих дня. Обойдите все домовладения на территории с фотографией жертвы. Надо установить, кто она такая – здешняя или как-то попала на территорию.

– Никто с заявлением о пропаже женщины в полицию не обращался, Федор Матвеевич.

– А труп не мог приплыть оттуда? – робко спросила Катя, махнув на необъятную гладь водохранилища. – С другой стороны? Или ее в лодке зашили на середине и сбросили в воду?

– Все возможно, – изрек Гушин. – Надо проверять. Однако начнем здесь, а не на той стороне.

Интуиция, – подумала Катя. – *Он себя уже убедил, что это убийство и что это местные художества. И если окажется, что женщину убили где-то там, за пределами деревни Топь, он будет разочарован.*

– Если предположить, что она шла к проходной, то что там у этой здешней проходной, куда она могла стремиться? – спросил Гушин.

– На остановку маршрутки. Маршрутка останавливается за поворотом и едет до Истры, там можно пересесть на рейсовые автобусы.

– Другие варианты?

– Нет других вариантов, за воротами лишь дорога и лес – пешком три километра до ближайшей остановки автобуса на шоссе.

– Обслуга, – сказал Гушин, – если она местная, то из obsługi. Здешние замковладельцы ездят на «Ламборджини» и «Ягуарах», маршрутка для них навроде экзотики. Транспорт аборигенов. И откуда ведет эта самая дорога, упирающаяся в проходную и забор?

– Как раз от замков, как вы их называете, Федор Матвеевич. Женщина, возможно, не из obsługi. Она могла быть из числа приходящих подсобных рабочих – они обихаживают клумбы, сажают цветы, убирают парк, стригут траву на газонах возле особняков.

– А это что, господа, что ли? – хмыкнул Гушин. – Такая же услуга, как и горничные. – Нам надо установить ее личность. Вот задача номер один. Без этого мы с вами никуда не двинемся даже на этих прекрасных шестнадцати гектарах.

– Возможно, ее изнасиловали, – предположила Катя. – Федор Матвеевич, детали как раз вписываются в картину изнасилования – удушение шарфом и сокрытие тела в воде, чтобы не определили ДНК. Классический случай.

Полковник Гушин смотрел на тело утопленницы, с которым все так же сосредоточенно и медленно работали эксперты.

– Будем проверять и это тоже, – сказал он самым будничным тоном, на какой только был способен.

Глава 6

В роли консультанта

26 мая. За четыре дня до обнаружения тела

– Документы и особенно картографические материалы весьма редкие и ценные. Нам бы не хотелось упустить возможность приобрести их, раз он собирается их продать. Но мы должны быть абсолютно уверены в подлинности этих документов и карт.

Роберт Данилевский, топ-менеджер банка «Глобал Капитал», говорил тихо, но невероятно настойчиво, внушая сказанное своему бывшему однокашнику Сергею Мещерскому.

Они сидели в просторном кабинете Данилевского окнами на Водоотводный канал. Совет директоров и правление банка занимали изящный, отлично отреставрированный особняк девятнадцатого века на Кадашевской набережной. Внутри царил классический стиль, щедро разбавленный стилем хай-тек.

В кабинете, несмотря на теплый майский день, горел камин и работал кондиционер. Данилевский и Мещерский по-царски расположились в креслах у камелька, пили хороший коньяк.

– Константин Вяземский в ходе своего путешествия в Юго-Восточную Азию оставил действительно ценные материалы. Он путешествовал исключительно верхом, в седле. Это девятые годы девятнадцатого века, – подтвердил Мещерский. – Путешествие заняло у него три года, и он много где побывал: в Индии, Тибете, Китае, Вьетнаме, Лаосе, Бирме. О какой части путешествия идет речь?

– Вьетнам, Бирма – как раз самое интересное. Путевые дневники, а главное – карты местности. Наша финансовая компания хотела бы приобрести все это в свою коллекцию. И я надеюсь на твою помощь, Сережа.

Банк входил в финансовую группу с тем же названием. Мещерского связывали с банком и финансистами из «Глобал» давние деловые отношения – в банке хранился уставной капитал турфирмы «Столичный географический клуб», которой вместе с компаньонами владел Мещерский. Банк держал для них кредитную линию, оформлял страховые полисы, обеспечивал юридическую поддержку. Во времена оны Мещерский устроил для менеджмента «Глобал» немало дорогостоящих экзотических путешествий от Гималаев до джунглей Борнео и вояжей на остров Пасхи. Но все это было в прошлом. Экономический кризис ударил и по финансам. И теперь в «Глобал» старались инвестировать деньги только в беспроигрышные проекты. Покупка предметов искусства, художественных коллекций и антиквариата относилась как раз к этому разряду. Редкие антикварные карты и путевые дневники ценились знатоками.

– Феликс Санин приобрел все это дуриком, – усмехнулся Данилевский. – Хапал на аукционах все что мог, все, на что денег хватало. И раньше хватало на многое. А теперь хватать перестало. И он начал свои приобретения продавать. Понимаешь, Сережа, этот тип относится к той категории людей... ну ты видел его по телевизору.

– Да, – Мещерский кивнул.

Феликса Санина он видел по телевизору. Тот часто мелькал. Телевидение неотделимо от профессии и имиджа популярного шоумена. А Феликс Санин был мегапопулярным шоуменом.

– У него нет никакого образования в общем-то, кажется, только училище эстрадного и циркового искусства. – Данилевский хмыкнул. – Такого знатока древностей и художеств можно в два счета обвести вокруг пальца. Я ему, кстати, верю в том, что он считает все документы и карты Константина Вяземского подлинными. Его могли в этом уверить мошенники. Мы, конечно, перед покупкой назначим экспертизы, но ты сам понимаешь – все это накладно и

дорого. Мы заключим контракт с экспертами, оплатим работу, а там все окажется не стоящим выведенного яйца, подделкой. И мы понесем убытки. Поэтому я хочу, чтобы ты для начала сам поехал к нему на Истру в его особняк и посмотрел все лоты, как специалист по старинным картам. И еще то немаловажно, что этот Вяземский – он ведь какой-то ваш дальний родственник, да? Вашей семьи князей Мещерских?

– Очень дальний, – ответил Мещерский.

– Каково это по нынешним временам – ощущать себя потомком князей? – усмехнулся Данилевский. – Аристократические корни. А что? Это ведь тоже капитал, Сережа. По нынешним временам надо стараться и это использовать тоже. Между прочим, когда мы сообщили Феликсу, что в роли нашего консультанта по картам будет выступать князь *Сергей Мещерский*, родственник того самого Вяземского – путешественника по Азии, он просто начал бить копытом. Мол, давайте, присылайте ко мне вашего князя. У этой категории золотых нуворишей из телевизора, которые родились в хрущобах на окраине Мытищ, остро развито почтение к старой родовой русской аристократии. Почти подобострастие. Так что в его пенатах тебе, Сережа, будет легко.

Мещерский пожал плечами и отпил из большого бокала коньяк.

Оказать услугу Роберту Данилевскому он согласился по двум причинам. Первая – чисто дружеская и деловая. Раз попросили, отчего не помочь хорошим людям? Вторая – чисто коммерческая. За консультацию обещали хорошо заплатить. А деньги и Мещерскому, и его туристической фирме, переживавшей от экономического кризиса жестокий шок, требовались как никогда. Увлечение старинными картами являлось давним хобби Мещерского. И постепенно из хобби превратилось в дело, приносящее кой-какой доход. Если рассматривать консультации как способ подработки, «фрилансерство», то это не плохой и не тяжкий заработок.

– На основании твоего вердикта, если ты определишься с выводами, что это не подделка, а подлинные дневники и карты, составленные Константином Вяземским в ходе его путешествия по Вьетнаму и Бирме в 1892 году, мы назначим все необходимые экспертизы и начнем готовить документы на сделку.

– Хорошо, я поеду к Санину и посмотрю, что у него там за материалы. Конечно, если все это подлинное, то надо покупать, – сказал Мещерский. – Я думаю, это займет немного времени – от силы день-два. Я сразу сообщу тебе, Роберт, о результатах.

Мещерский поставил бокал с коньяком на низкий столик и хотел было подняться с кресла, но Данилевский мягко удержал его.

– Погоди, не спеши. У меня к тебе есть еще одна просьба. Это уже чисто конфиденциально.

– Я тебя слушаю.

– До нас тут в банке дошли слухи, что Феликс Санин собирается продать не только карты Вяземского, но и кое-что еще. И это он собирается выставить на аукцион в качестве лотов.

Данилевский поднялся, подошел к своему письменному столу из полированного ореха и взял с него стопку журналов.

Вернулся и положил стопку на столик перед Мещерским. Это были каталоги зарубежных аукционов – на английском, немецком и шведском языках.

Мещерский полистал их.

– Тут картины, – сказал он. – Я в этом не спец, ты же знаешь. Самый обычный дилетант – музейный ротозей.

– Мне не знания в этом вопросе от тебя нужны. А твои дипломатические способности. Способности князя *Мещерского*, который даже за глаза производит на Феликса такое неизгладимое впечатление. Умение князя *Мещерского* убеждать.

– Убеждать? Что-то ты хитришь, Роберт.

– Я сама честность и открытость. – Данилевский захлопал светлыми ресницами. – Я тебе сейчас все расскажу. Речь идет о четырех картинах Юлиуса фон Клевера.

– Это кто, художник? Никогда не слышал.

– Может, и не слышал, но наверняка видел какие-то его работы. – Данилевский снова поднялся, взял со стола свой «Макинтош», открыл, нашел файлы и повернул экран ноутбука к Мещерскому.

На экране возникли картины – пейзажи. Лес, закат в лесу, зимняя дорога, опять лес – ели и сосны, старый парк.

Картина, изображавшая старый парк, показалась Мещерскому знакомой. Да, точно видел в Интернете и не раз среди картинок.

Новый файл – и на экране возникла картина уже другого сорта. Если и пейзаж, то фантастический, мрачный, почти пугающий. Огромные деревья, лишенные листвы, корявые, словно изуродованные болезнью, сучья на фоне тусклого, желтого, разбавленного серым цвета – если это был закат, то среди туч, когда заходящее солнце словно умирает, запутавшись в колючих, растрепанных кронах. А среди деревьев пряталась темная тень – то ли живое существо, то ли демон дерева с сучьями, похожими на вздыбленные волосы, и длинными руками – то ли корнями древесными, то ли когтями, тянущимися к зрителю из этой гнойно-желтой предзакатной тьмы.

– Одна из самых знаменитых картин Юлиуса фон Клевера «Лесной царь», иллюстрация баллады Гете, – сказал Данилевский.

Картина «Лесной царь» вселяла почти осязаемую тревогу, в смешении красок было что-то болезненное, гибельное, не оставляющее надежды.

– Впечатляет, – кивнул Мещерский.

– Не то слово. – Данилевский открыл новый файл. – Это его картина «Забывшее кладбище». Он написал ее, выставил в 1887 году в Петербурге и на следующий день проснулся знаменитым художником.

На картине – зимний пейзаж, но какой! Грязный снег, раскисшая дорога упирается прямо в открытые, едва держащиеся на ржавых петлях ворота старого кладбища, окруженного покосившейся каменной оградой. И свет, льющийся из-за ворот, – снова беспредельно тревожный. Зимний закат. Умирание, угасание.

– Стиль фон Клевера – готический романтизм, – комментировал Данилевский, открывая новые файлы. – Хотя мистиком он не был. Таким был делягой! В Петербурге, разбогатев от продажи своих первых работ, открыл модный салон. Набрал кучу учеников из числа молодых мазил. Поставил работу над пейзажами почти на поток – существует множество разных вариантов его знаменитых пейзажей, которые он рисовал уже на потребу публики из чистой коммерции. Его звали в артистических кругах Юлий Юльевич – старший, потому что семейное художественное дело продолжил впоследствии его сын. А также в стиле фон Клевера рисовали все его многочисленные ученики-подмастерья, их называли «клеверками». С самим фон Клевером чего только не случалось: и триумфы на салонах, и продажи картин императорской семье для Русского музея, и финансовые скандалы в Петербургской академии художеств. Но среди всей этой артистической суеты он нет-нет да и выдавал удивительные полотна, такие как «Лесной царь», как «Забывшее кладбище» – не знаешь, кто появится в следующий миг из-за этих ворот – вампир на закате солнца или сама смерть с косой. Или вот здесь – «Пруд с лилиями». – Данилевский открыл новый файл.

«Пруд с лилиями» представлял собой классический пейзаж темного, густого, почти сказочного леса с озером-чашей, заросшим крупными белыми лилиями. Свет – мертвенно-зеленый, вода – прозрачная. Мещерский вгляделся в картину. На секунду ему померещилось, что из глубины вод на него смотрит жуткое, обезображенное лицо утопленницы. Среди всех этих лилий, хрупких цветов...

– Не нарисовано, а ждешь чего-то ужасного, – проговорил Мещерский. – Словно это один кадр фильма, а ты ждешь следующего, и вот там как раз и...

– Точно, ты тоже это заметил, – кивнул Данилевский, – некоторые картины Юлиа Юльевича фон Клевера рожают странные мысли и поразительные ощущения. Острые, пугающие ассоциации.

– Сильный художник, метафоричный. – Мещерский все еще смотрел на «Лесного царя». – Но при чем тут моя поездка к Феликсу Санину?

– Дело в том, что у Санина есть четыре картины Юлиуса фон Клевера. Это не вариации на одну тему, хотя некоторые и считают их вариациями. Но нет, это просто цикл – четыре картины, объединенные общим названием.

– И что?

– До нас тут в банке дошли слухи, что Феликс Санин собрался эти четыре картины выставить на аукцион одним лотом.

– Его полное право как владельца.

Данилевский отпихнул в сторону свой «макинтош», потянулся к стопке каталогов, пролистал и показал Мещерскому.

– Вот, смотри: «Арт-аукцион, «МакДугалл-аукцион», «Кристи», «Стокгольмский аукцион». «Русские сезоны» – лот номер четыре, «Времена года» – пейзаж кисти Юлиуса фон Клевера, стартовая цена – 95 тысяч евро. Так как фон Клевер и компания его учеников-«клеверков» были чрезвычайно плодовиты на протяжении многих лет, картин на аукционах в достатке. И на большинство пейзажей, за исключением самых знаменитых, цена колеблется в диапазоне от девяноста до ста пятидесяти тысяч евро. Это не так много. Клевера все же считают салонным художником. На его музейные шедевры типа «Лесного царя» цена в разы выше. Несколько лет назад Феликс Санин очень широко тратил деньги, скупая произведения искусства. На «МакДугалл-аукционе» в качестве единого лота он приобрел три картины фон Клевера, каждая по двести тысяч евро.

– Те самые, что он теперь собирается продать? А почему три, когда ты сказал, что их четыре?

– В этом была вся фишка. Там же на «МакДугалл» он почти за бесценок приобрел «клеверку» – картину «Ночь», написанную на холсте. Все приписывали эту мазню ученику фон Клевера Петру Воскобойникову. Она обошлась ему в гроши. Но на таможне, когда полотно ввозили в Россию, они прошли через сканер, и Феликсу Санину сообщили, что под графикой Воскобойникова сканер обнаружил масляные краски. Феликс сразу же обратился к реставраторам и попросил счистить работу Воскобойникова. И знаешь, что там нашли?

– Замазанный шедевр. Киношно-детективная банальность, почти штамп.

– Не иронизируй. Обнаружилась четвертая картина из цикла. О ней долго ходили темные слухи. Якобы фон Клевер написал все четыре картины в Вене в 1893 году, но потом, находясь в болезненном состоянии, в припадке истерии собственноручно уничтожил четвертое полотно. И вот оно обнаружилось благодаря счастливой случайности. И цена всех четырех полотен достигла сразу двух миллионов евро.

– Повезло Санину. Но я-то тут при чем?

– Сережа, я тебе объясню популярно. Санин сейчас уже не тот Феликс счастливый, каким он был несколько лет назад. Кризис дожрал и его со всеми его телешоу. Доходы упали. Его дом на Истре, это его роскошное палаццо, обошлось ему когда-то в жирные времена в двадцать миллионов долларов. Сейчас расходы на содержание дома и налоги его буквально разоряют, обдирают как липку. Он уже тратит деньги со своих банковских счетов, со своих накоплений – мне ли это не знать, как его банкиру. Он начал лихорадочно распродавать то, что даст ему дополнительные доходы. И поможет как-то заткнуть дыры в финансах. Вот эти карты и дневники Вяземского, которые мы собрались у него купить. И четыре картины фон Клевера тоже.

Он тебе их непременно покажет, он хвалится ими перед всеми гостями и рассказывает чудесную историю, как они обнаружили четвертую картину из цикла. Эти картины весьма своеобразны. Не каждый решится повесить их у себя в доме.

– Почему? – спросил Мешерский.

– Ты сам поймешь, когда увидишь. Однако есть масса охотников до такого рода живописи, понимаешь? Особых знатоков и любителей. Так вот, у нас есть один клиент. Он не может афишировать себя на аукционе. Вообще не желает прибегать к услугам фирм-посредников на аукционе. У него есть на то причины.

– Судимость?

– Как раз наоборот – не судимость, а принадлежность к... – тут Данилевский многозначительно ткнул пальцем вверх. – Они не любят таких вещей, понимаешь? Но хотят покупать дорогие, редкие, особенные полотна. Так вот, у меня к тебе просьба, Сережа. Раз плебей Феликс Санин околдован твоими аристократическими корнями, когда будешь обсуждать с ним географические карты Вяземского, намекни очень настойчиво, что у тебя, князя *Мешерского*, есть поручение от одного любителя живописи с неограниченными возможностями. Что он готов приобрести все четыре картины Юлиуса фон Клевера, и при этом неважно, будут ли они выставлены в качестве лота на Стокгольмском аукционе. Их всегда можно будет под надуманным предлогом с торгов снять, когда уже определилась конечная цена. Так вот, ты скажешь Феликсу Санину, что при любой конечной цене *твой знакомый – знакомый князя Мешерского* – заплатит еще полмиллиона евро сверху.

– Настоящая авантюра, честное слово.

– Не авантюра, а выгодная коммерция. Банк получит свои комиссионные со сделки, ты – если уговоришь Феликса – свои комиссионные. Это намного больше, чем плата за консультацию по картам. Идет?

– Ну ладно. Я попробую уговорить Феликса, если он меня послушает.

– Вот и отлично. Я не сомневался, что могу во всем на тебя положиться. – Данилевский залпом допил свой дорогой коньяк.

– Послушай, ты не сказал мне.

– Что?

– А как они называются, все эти четыре картины Юлиуса фон Клевера?

– Разве? – Данилевский снова широко распахнул свои честные глаза. – Они называются «Пейзаж с чудовищем».

Глава 7

Госпожа вертикаль

27 мая

Рейс Аэрофлота с Мальдив «Мале – Москва» приземлился в Шереметьево точно по расписанию, не опоздав ни на минуту. Евдокия Жавелева сразу позвонила своему личному шоферу – в Москве полночь, встречает ли он ее в аэропорту, как она приказала? Дело в том, что она не помнила, как звонила ему с Мальдив и звонила ли вообще.

Оказалось, что все в порядке, шофер ждал ее на автостоянке у зала прилета. Евдокия Жавелева взяла тележку и отправилась к транспортировочной ленте, на которой крутился багаж пассажиров.

Чемоданы, сумки. Сколько она брала с собой на Мальдивы сумок? Она и это плохо помнила. Ведь летели в угаре, большой компанией и на частном самолете – туда.

На большой комфортабельной Water villa на атолле дым все эти четыре дня стоял коромыслом. Гуляли, тусовались, веселились. Пили. Ну конечно, как же без этого? Ее любовник Федя Топазов – стокилограммовый, пузатый – щеголял по песчаному пляжу в алых боксерах. Кроме своих из компании и стюардов, привозивших на виллу спиртное и провизию, его никто не видел.

Федя Топазов был моложе нее на восемь лет, но она не чувствовала этой разницы. Он был таким толстым, раскормленным, что выглядел старше своего возраста. Евдокии казалось все это время, что он от нее просто без ума.

Это ж надо быть такой дурой наивной!

В разгаре веселья на фоне пальм на залитом тропическим солнцем пляже виллы пьяные приятели Федя Топазова и он сам начали требовать: Дуся, коронный номер! Дуся, ножку!

Они вроде как просто прикалывались – ей так казалось – просили ее, смеясь и потрясая айфонами, сделать то, что она не раз проделывала, будоража и эпатируя Инстаграм. С ее спортивной подготовкой это была пара пустяков.

Встать, гордо выпрямиться, демонстрируя всему миру идеальное загорелое тело в купальнике-бикини и – раз! Взметнуть ногу вверх, делая свою знаменитую растяжку. Нога поднималась совершенно вертикально, и она могла удерживать ее в таком положении долгое время, пока Федя и его пьяные товарищи фотографировали. Она сама потом отбирала снимки на мобильном у Федя и загружала в свой Инстаграм. Растяжечка на Мальдивах. Шикарный отдых, полюбуйте, вот она какая я – Дуся Жавелева!

Под снимками лавиной копились «лайки» и восторженные и злобные комментарии. Злых было всегда больше, но она к этому привыкла и считала нормой. Ей становилось смешно, когда она листала Инстаграм и видела, что ее пример заразителен. И разные там бывшие звезды «Дома», телевизионные телки, тоже хотят уподобиться ей и поднять ногу повыше. Забавно было наблюдать, как они корячатся на полу, задирая ноги и фотографируясь. Ее, Евдокию Жавелеву, в искусстве задиранья ног никому еще не удалось обскать.

В ее-то возрасте!

Праздник закончился так же быстро и спонтанно, как и начался. Она проснулась от того, что Федя смачно шлепнул ее по голому заду своей горячей тяжелой ладонью.

– Хорош спать, Дуся, слушай меня.

Евдокия еле разлепила веки – спать хотелось адски. Всю ночь пили, потом она увлекла, как ундины, Федю купаться в маленьком заливе у кораллового рифа. Они бултыхались в воде нагие. Евдокия все пыталась оседлать Федю, сжимала его бедра своими длинными мускули-

стыми ногами, смыкала, скрещивала их на его спине, откидываясь на воду спиной и страстно хрипло вскрикивая, имитируя пылкое желание. Но член Феди под толстыми складками пивного брюха оставался вялым, как морковка.

Она буквально вытащила его из воды и умыкнула в постель, чтобы хоть там попробовать что-то сладкое под шелест пальмовых листьев на морском ветру. Но Федя лишь бурчал, вяло лаская толстыми пальцами ее киску.

Тогда она завела свою обычную шарманку:

– Федюшечка, я тебя люблю. Ты самый прекрасный человек в мире, мне с тобой так хорошо, так хорошо! Мы пара, Федюня. Нам надо что-то решать. Я люблю тебя, я хочу от тебя ребенка, да что – не одного, а много детей. Я никому, никому, никому этого никогда не говорила. Но ты особенный. Федюлечка, ты разве не видишь, мы уже семья!

– Какие дети? – спросил Федя, садясь в кровати, неожиданно трезвым тоном. – Ты что, очумела, Дуся? Тебе сорок пять. Бабы в твоём возрасте уже внуков имеют.

– Мне не сорок пять, – проворковала она, хотя сердце ее болезненно сжалось.

– А сколько тебе?

– Сорок три.

– Один черт. – Федя снова рухнул на подушки. – Какие дети, какая семья? Да и родители мои не одобряют. И вообще. Зачем тебе все это, Дуся?

Она начала ему объяснять. И сама не заметила, как увлеклась, говорила тихо, проникновенно и совершенно искренне. А потом увидела, что он спит. Храпит, освещаемый тропической мальдивской луной.

Тогда она снова, как бывало, пожалела себя. Но не стала плакать. А повернулась на бок и тоже постаралась уснуть. И заснула.

Федя разбудил ее игривым шлепком.

– Дуся, такое дело. Мы улетаем.

– Что? – она не понимала, потягивалась в постели, как роскошная тигрица.

– Мы сейчас едем на катере в Мале и улетаем.

– Как, почему?

– Дела, дела, – говорил Федя на ходу, направляясь в душевую кабину. – Ты, впрочем, остаешься. Там на столике билет на самолет.

– Ты что, бросаешь меня здесь одну?!

Он скрылся в душевой. А она начала скандалить. Она не понимала – как так вдруг? Почему? С какой стати?! Прилетели на частном «джете», веселились до упаду. Она уже начала считать, что это преддверие их совместных семейных вояжей. А он, оказывается, загодя приобрел для нее отдельный обратный билет!

Скандал ничего не дал, только все усугубил.

Когда Федя с компанией покинул виллу, а она осталась, то поняла, что это окончательный разрыв с сыном нефтяного магната, на которого она возлагала такие надежды.

Быть может, свои последние надежды, свой последний шанс.

Как только разговор зашел о ребенке, он объявил, что она слишком стара для того, чтобы родить. Варвар, мужик, домостройщик! И не он один. Так и прежде бывало, как только она заводила разговор о детях, богатые мужики от нее линяли.

Она знала – за умение делать роскошную растяжку, почти вертикально задирая ногу, ее в Москве за глаза звали Госпожа Вертикаль. И видно, никто от Вертикали детей иметь не хотел. Так, что ли? Но она же была красавицей!

В самолете она пила все, что подавал стюард, – благо билет все же оказался в бизнес-классе. Она пила шампанское и коньяк и чувствовала на себе любопытный взгляд стюарда. Конечно, он ее узнал.

Она сделала селфи и опять загрузила в Инстаграм. Ей хотелось похвастаться – вот, мол, лечу с Мальдив. Загорелая, крутая, мо-ло-дая, черт вас всех возьми!

Сразу посыпались злобные и одновременно притворно-сочувственные комменты: а чего ты, Дуся, такая опухшая? Пьешь, что ли? Надо в клинику, в клинику, если проблемы с алкоголем.

Она тут же убрала мобильный.

Уже в аэропорту желание выпить стало нестерпимым. Обида и чувство утраты, разочарование и усталость – все это лишь разжигало внутренний костер, залить который можно было только одним способом.

Но пить дома Евдокия не собиралась. Она помнила, чем кончился ее прошлый домашний загул с бутылкой. Подлюка горничная и ее мобильный... Сейчас все фотографируют, надеясь при случае продать снимки знаменитостей в непотребном виде.

Евдокия размышляла недолго. Сидя в своей машине, она натянуто улыбалась, а сама снова искала в сумке телефон. Достала и начала листать перечень номеров. Остановилось на номере «ТЗ».

Она знала, кто поможет в ее случае. Клуб «Только Звезды». И набрала номер менеджера. Клуб – это идея, это выход! Там она сможет на какое-то время забыть обо всем. Клуб ведь именно для этого и создавался.

Глава 8

Актер

27 мая

В ресторане «Мост Брассери» на Кузнецком мосту к полуночи осталось совсем мало посетителей. Иван Фонарев был этому рад. Он провел в ресторане весь вечер. Начал с крепких коктейлей в баре, затем переключился на граппу, а потом начал пить шотландский скотч.

Приканчивая большими глотками очередную порцию виски, Иван Фонарев вперял тяжелый взор свой в роскошный интерьер ресторана – созерцал стены, облагороженные террактново-серым декором, великолепные хрустальные люстры под лепным потолком, белые крахмальные скатерти, белые матовые шары настенных ламп и цветы в вазах на полированной стойке – все, что составляло славу этого знаменитого ресторана Москвы. Но красота и шик не веселили его сердце, он страдал – да, да страдал, пьянствуя и гуляя в роскошном ресторане, как когда-то страдал в дешевых прокуренных кабаках его кумир Сергей Есенин.

Иван Фонарев был популярным актером. И актерство свое любил, считая в душе, что годы (а ему исполнилось сорок три) лишь добавляют его таланту зрелости и силы. Он готов был играть ВСЕ, все пьесы, когда-либо написанные в мире, всех героев. Он ощущал в себе невероятную мощь. Однако суровая реальность то и дело разбивала его устремления и мечты вдребезги.

Последние гастроли обернулись скандалом и крахом. Городишко – плоский, как блин, но с гордым наименованием Златогорск. Местный театр с пузатыми колоннами и облупившимся фронтоном. Как только он, Фонарев, приехал туда, чтобы порадовать златогорских жителей собой и своим искусством, местная труппа этого провинциального театра сразу же приняла его в штыки.

Это была первая клякса, но он решил не обращать внимания – дело житейское. Нет более злых и ущербных существ, чем провинциальная актерская братия, тем более укушенная за жопу экономическим кризисом и невыплатами зарплаты. Так он считал. Все эти корифеи провинциальной сцены, запойные алкаши и провинциальные примадонны – прокуренные и сморщенные, как сухие сливы, в глаза улыбались столичной знаменитости, говорили «добро пожаловать в наш театр, зритель ждет вас». Но за спиной перемывали ему кости и желали одного – чтобы он подох в своей гримерке при третьем звонке, погружавшем зрительный зал во мрак.

В Златогорск Иван Фонарев привез свой коронный номер – моноспектакль на три с половиной часа, посвященный жизни и творчеству своего кумира Сергея Есенина. На Есенина все еще откликался, «клевал», как говорили в театре, провинциальный зритель. Сам Фонарев этот свой моноспектакль просто обожал. В столице же с Есениным было не развернуться. Жесткую конкуренцию составляли актеры Безносов и Дюдюльников, выступавшие каждый со своим моноспектаклем. Похожие, как Труляля и Траляля, Безносов и Дюдюльников играли есенинские спектакли аж с самых девяностых. И в кризис снова присосались к есенинской теме, словно алчные пиявки.

Иван Фонарев ткнулся со своей программой туда, сюда, но все в столице, да и в Питере было плотно забито этими безносowymi и дюдюльниковыми, оставались варианты «непрехонжэ» типа дома культуры в подмосковных Торчках или в вологодском Кликушеве.

И тогда он повез свой спектакль на Урал, в глубинку, в этот самый Златогорск, надеясь на приличные сборы. Но реальность и тут подставила ему подножку.

Сумрачный зал провинциального театра, тускло освещаемый кованой люстрой, в которой не хватало лампочек, оказался наполовину пуст. Иван Фонарев понял это, едва только

вышел на сцену. Зрители – уж какие собрались, однако, хлопали поначалу жарко и восторженно. Но Фонареву сразу стало как-то не по себе, когда он узрел, что первые пять рядов пусты. Это были самые дорогие места, и билеты на них не продались. На задах партера и на балконе клубилась та публика, что приобрела самые дешевые, а то и бесплатные благотворительные билеты.

Но раз вышел на сцену, надо играть. Таково было кредо Ивана Фонарева. Он считал себя профессиональным актером и имел свою гордость. И он вошел, словно джинн в бутылку, в образ своего любимого Сергея Есенина, и тут судьба послала ему воздушный поцелуй.

В середине третьего ряда появился зритель – единственный, однако одетый в сносный костюм, при галстукке, явно кто-то из местной администрации. Иван Фонарев выбрал его в качестве *своего главного зрителя*, как учили ветераны сцены, и полетел на крыльях вдохновения ввысь.

Ах, как он играл в этом чертовом полупустом зале в тот вечер! Он забыл обо всем: о времени, о себе, о пространстве! О деньгах и тех забыл! Он читал есенинского «Пугачева» и «Анну Снегину». Он читал любовную лирику и вышибал из себя настоящие слезы.

Моноспектакль не предусматривал антракта. Иван Фонарев считал его ненужным, лишь досадной помехой. Раз настроившись на игру, он не желал прерываться. И он забыл о скоротечности часов. Прошло три часа, три с половиной, а он все читал «Черного человека»:

То ли ветер свистит над безлюдным полем,

То ль как рошу в сентябрь, осыпает мозги алкоголь...

Он искренне считал, что вот это – то самое, что близко и понятно провинциальному зрителю. В уральских промышленных городах работяги пьют, и интеллигенты квасят, и бизнесмены мимо рта не проносят, и силовики высасывают бутылку до «донышка», потому что жизнь тяжелая и денег нет.

Фонарев немало поколесил по таким рабочим городам и считал, что он-то уж знает, как завести провинциального зрителя. Вот сейчас он подбоchenится по-есенински, тряхнет светлыми кудрями своими (пусть и обесцвеченными в дорогом столичном салоне), топнет ножкой в ботиночке от Гуччи и...

Эх!

Ссссссссссссыпппппп, гармоника. Скука... Скука. Гармонист пальцы льет волной.

Пей со мной, паршивая ссссука! Пей со мной!

Ссссссссып, гармоника, ссссып, моя частая. Пей, выдра, пей!

Мне бы лучше вон ту...

Это было гвоздем – вот эта самая фраза: «Мне бы лучше вон ту, сисястую!» Фонарев произносил это хрипло, раскатисто, отчаянно – забубенно. Мол, вот я, весь перед вами, и мне бы только «вон ту сисястую». И каждый раз публика реагировала на этот актерский финт. Женщины начинали глупо сдавленно хихикать, кто-то из мужиков кричал: «Эх ма!» В общем, зал оживал. А потом всегда раздавались аплодисменты.

Но на этот раз после «сисястой» в зале раздался громкий раскатистый храп. Храпел, уснув без задних ног, тот самый зритель в середине пустого третьего ряда. Он спал, сморенный усталостью и почти четырехчасовым представлением без антракта.

Фонарев ощутил тогда, при этих паскудных звуках, что глаза его застлала багровая пелена.

– Эй, вы! – крикнул он яростно, все еще находясь в есенинском удалом облике. – Эй, вы, я к вам обращаюсь!

Зритель всхрапнул как боров, вздрогнул и проснулся.

– Спать надо дома! – громко и отчетливо произнес со сцены Иван Фонарев. – Искусство и поэзия не для таких, как вы. Это все равно как метать бисер перед свиньями. Уходите! Уходите из зала!

Он тогда еще картинно указал рукой на выход, завешенный бархатной шторой.

Зритель поднялся, начал пробираться по ряду. Фонарев ждал, не произнося ни слова. А в голове его сыпала, жгла, наяривала кабацкая гармоника. И тут случился конфуз. Более двух третей зрителей полупустого зала повскакали со своих мест и тоже ринулись к выходу, взывая «где тут туалет?» и «где гардероб?»

Иван Фонарев глядел со сцены, как убегает его публика, не выдержавшая четырехчасового моноспектакля.

А из-за кулис наблюдали за ним, давась смехом, местные златогорские актеришки, зло-радствуя и отпуская непечатные актерские афоризмы.

В тот вечер Иван Фонарев жестоко напился в своем номере в ожидании утра, чтобы ехать в аэропорт. Его давняя болезнь, проклятие – тяга к бутылке – воскресла в нем после многих лет честной добровольной завязки.

Но тогда он считал, что справится с этим. И считал искренне до того самого момента, пока не позвонил сука-пранкер со своим розыгрышем.

Это было то перышко, что сломало спину верблюда.

Иван Фонарев помнил в мельчайших подробностях события того дня. Они жгли ему сердце. Он был уверен, что ему звонят из министерства культуры. Он узнал голос чиновника, с которым был пусть и не близко, пусть шапочно, однако знаком. И этот голос по телефону посулил ему после провала гастролей надежды на будущее.

И какие надежды!

Звонок на мобильный Фонарева раздался в полдень, и чиновник министерства культуры предложил ему – не раздумывайте, соглашайтесь. В театре – тут он назвал наименование известного столичного театра – сложилась непростая ситуация, и есть мнение, что вы могли бы попробовать себя там в качестве художественного руководителя и главного режиссера.

Иван Фонарев в тот момент ощутил, как у него задрожали колени, а сердце едва не выпрыгнуло из груди. Театр, куда его звали, находился в плачевном состоянии, без главрежа и репертуара, раздираемый скандалами стареющей, никчемной труппы. Однако у него имелось великое достоинство – он выходил фасадом прямо на Тверскую. Это сулило столько шансов – театр в самом центре столицы, театр Ивана Фонарева!

«Согласны? – ворковал аки голубь по телефону чиновник. – Тогда скоренько, быстренько берите такси или на своей машине – и прямо в театр. Я тоже подъеду и представлю вас труппе. Сначала все обсудим, а назначение последует».

Фонарев поверил всему. Уж очень хотелось получить театр фасадом на Тверскую и залепить его плакатами и афишами с собственной фамилией. Броско так, чтобы видели все, все, все!

Он сел за руль своего «Мерседеса» и поехал на Тверскую. Кончилось это анекдотом, над которым потом в соцсетях потешалась вся театральная общественность.

В театре про Фонарева никто слыхом не слыхал. Чиновник из министерства представлял труппе совсем другого режиссера. И когда Фонарев появился в зале и объявил – здравствуйте, вот он я, ваш худрук и главреж, все сначала онемели, а потом начали грубо хохотать.

Тут же по Интернету начали гулять мемы, что Иван Фонарев явился в театр в гриме Станиславского в надежде хоть так проскочить в театральные боссы.

А на следующий день известный пранкер ГарГарик Тролль опубликовал в Интернете ролик с разговором-розыгрышем артиста Фонарева.

И тьма сомкнулась над крашенной под блондина, забубенной головой артиста. И вот сидел он, как Есенин, в кабаке... то бишь в роскошном «Мост Брассери» на Кузнецком и пил, пил, пил, и чувствовал, что срывается с катушек в полный штопор.

Пил и ненавидел суку-пранкера ГарГарика Тролля и желал ему заболеть чумой или потеть в жизни все самое дорогое.

Его сильно развезло к полуночи, но он все заказывал и заказывал – уже опять все подряд: граппу, коньяк, кальвадос. И тут краем глаза заметил, что у входа какой-то тип в потертых джинсах с прилизанными волосами фотографирует его на айфон. Фонарев взъярился, взвился из-за стола и, шатаясь, кинулся к наглецу. А тот брызнул по ступенькам вниз, в гардероб, надеясь ускользнуть на улицу. Но Фонарев настиг его, вырвал мобильный и швырнул на пол, вцепляясь одновременно обидчику в волосы, голоса: «Сука папарацци, и ты туда же, пранкерствовать, шпионить!»

В драку вмешался чинный швейцар. Он начал успокаивать Фонарева, считавшегося постоянным клиентом ресторана. Негодник – папарацци с мобильником куда-то смылся. А Фонарев, снова плюхнувшись за стол, накрытый белой скатертью, даже в пьяном угаре понял – нет, уходить в запой вот так, на людях, нельзя. Завтра же снова будут ржать и обсуждать его, пьяного, убогого, все эти недоделанные, бесталанные коллеги по актерскому ремеслу.

Дрожащими руками он вытащил свой айфон, перелистнул файлы и отыскал по памяти знакомый до боли номер. Это был номер клуба «Только Звезды». К его услугам – что греха таить – Фонарев уже обращался.

В полночь в клубе звонку не удивились. Там ко всему привыкли. Голос менеджера был ангельски терпелив. Фонареву в его ситуации пообещали помочь и сделать все по первому разряду.

Глава 9

«Да я сейчас велю...»

30 мая

К половине девятого обрисовались кое-какие новости. Участок леса у водохранилища по поручению полковника Гущина прочесали сотрудники Истринского УВД. Сотрудники розыска на проходной просмотрели вместе с охранниками пленки видеонаблюдения за четыре предыдущих дня. Женщины в одежде, похожей на одежду утопленницы, входящей в ворота, пленки не зафиксировали. Зато камеры засняли поток машин, следовавших через ворота с шоссе в деревню Топь. Среди машин были два черных «Мерседеса» и навороченный джип, а также «Мерседес», белый как лебедь. Они проехали через ворота спустя пару часов после двух синих фургонов «Фольксваген» с затемненными стеклами. За «Мерседесами» на территорию деревни Топь въехало желтое такси. Примечательно, что все эти машины примерно через сорок минут вернулись и покинули охраняемую территорию. Синие фургоны задержались несколько дольше, но затем из Топи уехали и они. Все это броуновское движение клубилось на проходной 28 мая. Охранники лишь пожимали плечами – ничего необычного, гости. И от комментариев пока воздерживались.

Тело утопленницы увезли в Истру, в местный морг, туда же срочно выехала бригада патологоанатомов. Гущин требовал, чтобы судебно-медицинскую экспертизу провели как можно скорее.

Сам он сидел на пассажирском сиденье своей машины и задумчиво жевал травинку. Катя расположилась сзади, открыв дверь машины, и разливала горячий кофе из термоса, привезенного истринскими коллегами, по пластиковым стаканчикам.

– Попейте, Федор Матвеевич, и успокойтесь, – сказала она кротко.

– Я спокоен. – Гущин взял кофе.

Он снял нелепый комбинезон криминалиста. Под его оболочкой он вспотел и теперь, несмотря на ненастный день, скинул и пиджак, засучил рукава крахмальной белой рубашки до локтей, открывая свои мощные, поросшие темными волосами руки.

– Знаешь, почему я тебя сюда взял? – спросил Гущин у Кати.

– Сказали, что я могу пригодиться.

– Как бы ни повернулись дела с этим убийством, ты на этот раз все опишешь подробно и детально, – сказал Гущин. – Полный карт-бланш тебе как полицейскому репортеру на максимальную огласку здешних тайн. Разошлешь во все свои издания. Пусть читают.

– Потому что это деревня Топь? – спросила Катя.

Ей удивительно было слышать, что Гущин стоит за максимальную огласку. Обычно писать разрешалось лишь с оговорками или вообще запрещалось – ни-ни, об этом ни слова в прессе! А тут вдруг такая свобода.

– Потому что это деревня Топь? – повторила она.

К ним со стаканом кофе подошел сотрудник Истринского УВД.

– Итак, кто тут живет, на этих шестнадцати гектарах? – спросил его Гущин. – Кому принадлежат поместья?

– Всего четыре домовладения... – начал рассказывать оперативник, прихлебывая кофе. – Мы сейчас проверили нашу прежнюю информацию. Значит так, одно домовладение – в стадии строительства, там все заморожено сейчас. Ни рабочих, ни строительной техники, все пусто. Владение в течение нескольких лет переходило из рук в руки, теперь в собственности у банка-кредитора. Еще одно поместье принадлежит семье Гизиляровых. Гостиничный биз-

нес и торговые центры. Усадьба большая, их там целый клан – сам с женой, шестеро детей, тетки, бабки, двадцать человек прислуги. Конюшни, кстати, тоже им принадлежат. Не только лошади для верховой езды и пони для детей, но и призовые, для скачек на ипподроме. Гизиларов скачками лично увлекается. Но сейчас семьи в поместье нет. Уехали за границу еще в начале мая. Обслуга частью распущена, частью уехала вместе с ними. На конюшне остались тренер, конюхи, два подсобных рабочих. Мы всех сейчас проверяем. Вон то строение, чью крышу отсюда видно, – он обернулся и указал на просматривающиеся сквозь деревья крыши, – это замок Отранто.

– Что? – спросил Гушин.

– Они сами так его называли. Братья Хапиловы, владельцы. Ну и прижилось с тех пор. Настоящий замок, честное слово! Само строение в три этажа, а по углам – пяти-этажные башни. Только это строение сейчас...

Он не договорил, его прервали. У Гушина затрещивал мобильный. Гушин включил громкую связь.

– Федор Матвеевич, – раздался голос одного из оперативников, – мы на конюшнях, разговариваем с персоналом. Мне свидетель только что сообщил, что его знакомая, работающая сиделкой в кирпичном коттедже поместья Хапиловых, вчера рассказала о скандале, произошедшем накануне в доме, – ее хозяйка, Хапилова Лаура Григорьевна, выгнала свою горничную по имени Наташа. Фамилии наш свидетель не знает, но знает, что эта Наташа молодая, не больше двадцати пяти лет, и порой он видел ее в розовом – то ли в куртке, то ли в ветровке. У вас там фотоснимки трупа есть? Кто-нибудь на мобильный фотографировал? Скиньте мне сейчас по электронке, чтобы назад с конюшен к воде не мотаться. Я предъявлю на опознание.

Гушин потряс головой, словно это не опер вещал ему в ухо, а назойливый овод жужжал.

– Снимки на мобильный по электронке? – произнес он хрипло. – А я... это ж эксперты....

Катя достала свой мобильный, открыла снимки. Она-то фотографировала сама. Протянула руку, прося у Гушина его телефон, чтобы пообщаться с оперативником.

Узнала у него адрес почты, через секунду снимки полетели, полетели.

Гушин вздохнул – ох-хо, хотел было насупиться, но потом Кате улыбнулся.

– Я мало что понял, – признался он. – Что еще за Лаура Хапилова?

– Старуха из коттеджа, – сказал истринский сотрудник. – Дело в том, что в замке никто не живет вот уже восемь лет. Братья Хапиловы – они оба в Роснефти, строили для себя здесь такое родовое гнездо. А потом жестоко друг с другом поссорились. И вот уже восемь лет делят замок, скандалят, кому платить за содержание. А мать их Лаура Григорьевна, ей семьдесят девять лет, и в лучшие времена с ними обоими и их женами и любовницами не ладила. Она потребовала построить ей на территории поместья отдельный дом. Это кирпичный коттедж, там она и живет – прежде только с прислугой, а теперь и с сиделками. Старуха спятила. Неудивительно, что она горничную прогнала. Скорее всего, наша убитая и есть эта самая горничная Наташа.

– Что, мать магнатов Хапиловых погналась за горничной и задушила ее шарфом? – спросила Катя.

– Она сумасшедшая, как я слышал, – сообщил истринский сотрудник. – Злая, как черт.

– Поедте, побеседуем со старушкой, – решил Гушин.

Он, видно, алкал в душе каких-то активных действий. И грустил, что вот он такой отсталый, не снимает трупы на мобилу и не может, как его более молодые коллеги, мигом скинуть их по электронке.

По мобильному Гушин умел только звонить. Даже sms не любил ни читать, ни тем более рассылать.

Они сели втроем в машину Гушина и поехали мимо лугов и рощи. Истринский сотрудник показывал, куда направляться. И через десять минут Катя увидела «замок Отранто».

Он был огромен и пуст, имел вид нежилой. Круглые башни выглядели нелепо. Однако территория и подъездная аллея были тщательно убраны. Метрах в трехстах от замка среди деревьев стоял массивный двухэтажный кирпичный коттедж.

Он выглядел тихим, возможно, хозяйка его Лаура Григорьевна все еще спала. Гушин и Катя вышли из машины и направились к подъезду. Позвонили в звонок.

Никто не ответил. Они позвонили снова. Вдруг наверху хлопнула рама. За дверью послышались шаги, женский голос спросил: кто там?

Гушин солидно ответил: «Полиция! Извините за беспокойство, нам необходимо переговорить с хозяйкой».

И тут наверху снова хлопнула рама и скрипучий визгливый голос приказал:

– Не смей открывать!

– Лаура Григорьевна, – крикнула Катя, – мы из полиции Московской области, по поводу вашей помощницы по хозяйству...

– Не смей открывать! – Одно из французских окон на втором этаже – окно-балкон – распахнулось, и из него показалась пожилая женщина – смуглая, с растрепавшимися черными как смоль волосами и сморщенным как печеное яблоко лицом. Непонятно, что на ней было надето. Катя пригляделась – ба, да это атласное кремовое одеяло, в которое она куталась! Старуха увидела их и воинственно погрозила кулаком.

– Вон пошли! Пошли все вон! – заорала она. – Вон отсюда!

– Полиция, откройте! – уже громче произнес Гушин.

– Вон пошли, мерзавцы! – орала старуха. – Вон отсюда!!

– Извините, Лаура Григорьевна открывать вам дверь не разрешает, – раздался в переговорнике у двери женский голос. – Извините, у нас проблемы со здоровьем. Мы не можем сейчас... Мареванна, да успокойте же ее наконец! Сделайте ей укол!

– Вон пошли! – не унималась старуха.

Гушин повернул к машине.

– Да я сейчас велю тебя зарезать моим слугам, – продекламировал он.

– Что это вы вдруг, Федор Матвеевич? – Катя созерцала французское окно и бесноватую мать «из Роснефти».

– Пушкин, – хмыкнул Гушин. – И у него Лаура – и тут Лаура.

– Тогда вы статуя Командора, а я Лепорелло.

– Все опишешь, что мы тут нароем, со всеми подробностями, – Гушин нацелил палец на Катю. – Пусть читают, как живут в деревне Топь.

И тут у него снова ожил мобильный.

– Я показал конюху фотографию потерпевшей. Он сказал – вроде это не та Наташа-горничная, – сообщил оперативник. – Мы едем к охранникам, снова посмотрим пленки, может, эта горничная тогда после увольнения покинула территорию.

– Кто владеет четвертым домом? – спросил Гушин истринского сотрудника, когда они ехали назад к месту обнаружения тела.

– Я думал, вы и сами это знаете, Федор Матвеевич, – ответил тот. – Весь Интернет полон снимков. Все в курсе, что в деревне Топь живет Феликс Санин.

– И он что, тоже сейчас за границей? – буркнул Гушин.

– Как раз нет. Он и его семья и обслуга живут здесь. Его дом – на берегу водохранилища.

Глава 10

Ревнитель

27 мая

– Ваше участие в праймериз нецелесообразно. Контрпродуктивно. Вы, конечно, вольны поступать как вам хочется, но на партийную поддержку с нашей стороны не рассчитывайте.

Человек с усталым строгим лицом занимал огромный кабинет в Таврическом дворце, когда приезжал из Москвы в Санкт-Петербург. Мимо этого кабинета все ходили тихонько. Вот так же тихонько, скромненько вошел сюда Артемий Клинопопов после заседания Парламентской ассамблеи, в которой он, впрочем, никакого участия не принимал.

– Этот город полон греха. И я чувствую в себе силы... потенциал для борьбы и...

– Слушайте, только давайте не будем это, а? Не заводите свою шарманку. – Строгое усталое лицо сморщилось, словно от зубной боли. – Мы с вами не на митинге, и я не ваш электорат.

Артемий Клинопопов сразу вспотел и поник. Его отчитывали на ковре кабинета Таврического дворца. И он, как всегда в такие горькие минуты, отрешился от настоящего. Хотел было помолиться в душе. Но вместо этого внезапно накатили на него воспоминания детства, тягостные воспоминания, причинявшие душевную боль.

Ему восемь лет, и он во втором классе. Урок пения только что закончился. Они звонко пели хором: «В траве сидел кузнечик... зелененький он был». Его мать – учительница пения – одновременно подыгрывала на стареньком классном пианино и дирижировала хором. А они пели: «Но вот пришла лягушка, прожорливое брюшко». Артемий... Артюша, как звала его мать, пел громче всех, у него совсем не было музыкального слуха. Середина семидесятых годов – вот когда это было. Тогда они, школьники, еще носили серую форму скучного такого, немаркого мышинного цвета.

Спели, похватали ранцы, когда прозвенел звонок, и веселой стайкой устремились к дверям. Артемий Клинопопов шмыгнул мимо матери в коридор, в туалет. У матери по расписанию еще один урок пения, в четвертом классе. А это значит, надо терпеливо ждать.

Он уже мыл маленькие исцарапанные руки под краном (мать приучила его к чистоте), когда в туалет вошли трое семиклассников. Узрели Артюшу, и толстый по прозвищу Чуча сказал:

– А, Клинопопый! Что, обкакался?

Артюша попытался «вышмыгнуть» из туалета вон. Но семиклассники преградили ему путь.

– Что хочешь – попу клином или клин в попу? – спросил Чуча, как спрашивал, бывало, частенько.

– Отстаньте от меня.

– Чего?

– Отвяжитесь.

– А пить из толчка не пробовал, Клинопопый?

Чуча схватил его за шею железной хваткой, остальные за руки. Они, гогоча, потащили его в кабинку.

– Ваши идеи и предложения слишком радикальны. Порой они параноидальны, – чеканило усталое строгое лицо за столом кабинета Таврического дворца. – Вы как-нибудь сами перечитайте список законодательных инициатив, кляуз и петиций, поданных вами за последние годы. Вы в этом году в одну лишь прокуратуру с жалобами обращались четыреста трид-

цать раз! В году дней всего триста шестьдесят пять! Им что, в прокуратуре, больше заниматься ничем не надо, кроме как отвечать на ваши письменные измышления?

– Этот город полон греха. Я борюсь. Я витязь Света и Добра. Ревнители моральных устоев и нравственности всегда под огнем критики грешников и распутников, – сказал Артемий Клинопопов.

– Это что же, я, по-вашему, распутник?! – опешило, а затем и рассердилось усталое строгое лицо.

Тогда, в семидесятых, после унижения в туалете на маленьких худеньких руках Артюши Клинопопова остались синяки от цепкой хватки его обидчиков. Они оставили его в туалете, и он потом долго и усердно мыл лицо, фыркал, отплевывался, полоскал горло, страхась, что вода из унитаза, когда они макнули его туда, попала в желудок.

– Простите, я не то хотел сказать, я...

– Думайте, что болтаете. Думайте, с кем вы и где вы. – Лицо поднялось из-за стола, принимая неприступный официальный вид. – В общем, наша дискуссия окончена. В праймериз партии вы принимать участия не будете. Насчет муниципальных выборов – решайте сами.

Маленький Артюша Клинопопов глотал слезы обиды и страха тогда, в семидесятых, подставляя лицо и волосы ветру на школьном дворе.

– С вашей фамилией и вашей личностью некоторые начали ассоциировать Санкт-Петербург. Даже выражение такое гуляет по Интернету – «клинопоповщина», – сухо сказала строгое усталое лицо. – После того громкого розыгрыша пранкером это вообще у всех на устах. «Питерская клинопоповщина». Простите, я ничего не имею против вас и вашей фамилии, однако если вы пойдете на праймериз, это в создавшейся ситуации может повредить имиджу партии.

При слове «пранкер» Артемий Клинопопов мигом вернулся из детских воспоминаний в реальность. Щеки его вспыхнули.

Сука-пранкер ГарГарик Троль – да, он звонил ему. Представился сначала пресс-секретарем известной на всю страну рок-группы, песню которой Артемий Клинопопов призывал запретить за разврат и ненормативную лексику. Пресс-секретарь лисьим тоном сообщил, что с Клинопоповым хочет поговорить сам лидер рок-группы, известный певец. И они начали по телефону тот знаменитый свой разговор. Клинопопов обличал, метал громы и молнии, призывал к смирению и раскаянию, а знаменитость громко посылала его на три буквы. И тогда Клинопопов тоже не стерпел и начал ругаться матом.

На следующий день пранкер ГарГарик Троль опубликовал эту запись – ссору без купюр.

Артемий Клинопопов слышал свой голос в Интернете и ужасался, что он вот так может сорваться и выплевывать из себя грязные греховные матерные слова.

Он тогда снова ощутил себя в школьном туалете, в руках своего мучителя Чучи, когда они поймали его снова и опять макали головой в унитаз.

Кто пережил такое в детстве, тот ранен до самых печенок. И неважно, что сейчас он мужчина возрастом далеко за сорок.

– Вы можете идти, наш разговор окончен, – распорядилось строгое усталое лицо.

И Клинопопов поплелся прочь. Шел длинным коридором, застланным красной ковровой дорожкой, под взглядами секретарей.

На праймериз и последующие выборы Клинопопов возлагал огромные надежды. А сейчас чувствовал себя так, словно его опять макнули головой в тот пожелтевший от мочи школьный толчок.

Зеленый змий проснулся, поднял голову, зашуршал чешуей, сплетая и расплетая свои кольца. Этот грех Артемий Клинопопов представлял себе именно так – словно на старых пропагандистских плакатах против пьянства. Зеленый змий...

Он боролся и с ним. Пить он начал в ранней юности, тайком от матери, от всех. Напивался обычно в питерских парках, купив бутылку водки. Затем, придя в лоно старообрядческой церкви, он этот свой порок начал в себе давить. А придя в лоно церкви истинной, вообще долгие годы считал, что лучше наденет на себя вериги и власяницу и запрется в монастыре, чем снова приложится к бутылке.

Впервые он развязал именно после того, как запись разговора с пранкером ГарГариком Троллем попала в Интернет. Все скалили зубы, издевались над ним – и эти трахнутые соцсети, и журналюги.

И сейчас, после разговора с куратором из Москвы, зеленый змий снова ласково и сильно сжал сердце и желудок Артемия Клинопова в своих змеиных объятиях.

Змий-искуситель, нет, не о райском яблоке он шептал...

В Питере пить, как пелось в одной известной песне, Артемий Клинопопов страшился. Тут все за ним следили – так он считал. Мигом сфотографируют и выложат, и снова будут ржать и потешаться.

Он вышел из Таврического дворца и махнул своему водителю – уезжай, я прогуляюсь. Шел долго, брел по набережным каналов, из которых несло не пойми чем – то ли мокрым камнем и железом, то ли утонувшей крысой.

Хотел было зайти в знакомую церковную лавку, но потом подумал, что вериги в общем-то дешевле смастерить самому. И тут же мысли его перескочили на другое: если сил не осталось сопротивляться, то лучше поддаться на какое-то время греху, а потом замолить на коленях.

Клинопопов нашел в телефоне номер клуба «ТЗ» – «Только Звезды». Он слышал о нем. Переговорил с менеджером. Спросил, сколько стоит.

Жадность вроде бы сначала пересилила, но потом он махнул рукой – нет, не устоять, лучше поддаться сейчас, согрешить по полной, а потом уж испросить себе прощение.

Обычно билеты на самолет или поезд для него заказывал и привозил шофер. Но на этот раз он сам поехал на такси в билетную кассу и приобрел для себя билет на «Сапсан» в Москву, комбинируя в уме, что бы такое придумать, чтобы выкроить несколько свободных дней.

Глава 11

Суета

28 мая

Увидев особняк Феликса Санина с подъездной аллеи, засаженной молодыми деревцами, Сергей Мещерский понял, почему Данилевский в разговоре с ним назвал этот дом «палаццо».

Именно в стиле итальянского палаццо было спроектировано это строение. Мещерский достиг деревни Топь к трем часам дня. Предыдущий день ушел на согласование поездки. Этим занимался банк. Накануне вечером Мещерскому позвонила дама и приятным грудным голосом сообщила, что ее зовут Капитолина Павловна, что она звонит по поручению Феликса Санина, чтобы передать его приглашение князю Мещерскому приехать в качестве гостя и делового консультанта.

Мещерский поблагодарил и сказал, что рад встрече с такой знаменитостью и рад быть полезным в деловых вопросах.

Доехал он до Истры на удивление быстро, ворота и охрану миновал без препятствий – там сверились со списком, куда-то позвонили и потом гостеприимно замахали руками – заезжайте, заезжайте.

Тишина и красота этих угодий поразила Мещерского: луга, лес, снова луга, цветение трав, огромные липы, загон, где паслись лошади. Охранники на воротах сказали, чтобы он, сразу как проедет конюшни, повернул направо, к водохранилищу. Он так и сделал и через десять минут очутился на подъездной аллее. А затем открылась гладь Истринского водохранилища и дом-палаццо на берегу.

Фасад был выкрашен белым. Дом не производил на первый взгляд впечатление очень большого – просто достаточно высокий для своих трех этажей. Высоким был именно первый этаж. На втором окна выглядели меньшими по размеру. Однако ощущался досадный диссонанс: к зданию в виде итальянского палаццо сбоку было пристроено нелепое сооружение из стекла и бетона – потолок и одна из стен сплошь стеклянные. Впоследствии, обойдя дом Санина, Мещерский понял, что в этой пристройке располагаются бассейн и спортивный зал.

На подъездной аллее царила невообразимая суета. Двор был забит машинами. Мещерский увидел дорогие иномарки и белый минивэн. В него садились трое: двое мужчин и женщина с дорожными сумками.

Когда Мещерский припарковал машину и вышел, несколько дорогих иномарок начали разворачиваться и уезжать. Возле минивэна стояла полная женщина лет пятидесяти в черных брюках и белой блузке со стрижкой каре, рыжая как лисица. Рядом с ней мужчина лет шестидесяти пяти, седой, тоже полноватый, однако с хорошей выправкой. Они о чем-то говорили с сидящими в минивэне. Женщина увидела Мещерского и помахала ему рукой.

– Добро пожаловать, вы, как я понимаю...

– Сергей Мещерский.

– А, ясно. – Женщина глянула на него чуть искоса. Ему показалось, что она сначала приняла его за кого-то другого. – Очень хорошо. Это прекрасно, что вы приехали. У нас тут маленькая накладка. Немного неожиданно получилось. Однако все уляжется.

– Что уляжется? – не понял Мещерский.

– Эта суета, – женщина огляделась, потом снова махнула рукой – уже сидящим в минивэне: – Ну, доброго пути, отдыхайте! – затем опять, как юла, обернулась к Мещерскому: – Меня зовут Капитолина Павловна, это я вам звонила. Я у Феликса что-то вроде экономки-домопра-

вительницы. Так что если что-нибудь нужно в плане быта, всегда помогу. А это муж мой Спартак Иванович.

Пожилой мужчина кивнул Мещерскому очень вежливо, даже подобострастно. И вдруг спросил:

– У вас есть мобильный телефон?

– Конечно.

– Тогда, пожалуйста, отдайте его мне. Потом я вам его верну.

– Я не понимаю, что вы сказали?

– Ох, это правила, это тут правила такие у клуба, – зашебетала Капитолина. – Так неожиданно все вышло – с утра позвонили: они нас сняли, ну, взяли в аренду на несколько дней. И у них такие правила – никаких гаджетов, чтобы гостей не снимали. Ни-ни, понимаете? Полная тайна, полная конфиденциальность. Я даже часть нашей услуги была вынуждена срочно отсюда отправить – дала им отпуск оплачиваемый, представляете? Остались только мы, ближний круг. Вы не принимайте это близко к сердцу. Клуб – они там все чокнутые, помешались на секретности. Потому что такие правила и клиенты настаивают. Вы сдайте свой мобильный Спартаку Ивановичу, а после заберете, хорошо? Не вы один в таком положении. Мы все свои телефоны отдали. И даже в доме Спартак мой все камеры наблюдения на пульте вынужден был отключить. Так что вы отдайте телефончик.

Мещерский достал телефон и отдал Спартаку Ивановичу. Тот выключил его, вздохнул.

– Что за клуб? Я ничего не понимаю, – признался Мещерский.

– Клуб «Только Звезды». Они нас сняли, взяли в аренду весь дом, – повторила Капитолина. – Они никогда не предупреждают заранее, просто звонят – можете принять? У них все инкогнито. При этом они платят по-царски. Но порядки диктуют свои. Ой, да Феликс вам лучше все объяснит. Вашей работе они не помешают. Я думаю, что нет. – Она на секунду запнулась. – Я сейчас скажу Феликсу, что вы приехали. Он примет вас, как только освободится. А пока – добро пожаловать, проходите в дом.

Во дворец... Проходите в наш дворец...

Именно это подумал Сергей Мещерский, едва поднялся по ступенькам парадного подъезда и вступил под своды палаццо.

Позже, когда он обошел этот дом изнутри и увидел его полностью, его сразила мысль: никогда не думал, что в наше время можно жить в месте, одновременно похожем и на оперные декорации к «Балу-маскараду», и на средневековое итальянское палаццо, и на гнездо гламурных разбойников.

Вестибюль, отделанный мрамором, кованные люстры, мраморный пол, бюсты греческих мудрецов и римских императоров в нишах – явно поддельные, явный китч. Но следующий зал – с хрустальной люстрой, созданной для балов, и высоченным потолком, расписанным в стиле барокко. Роспись изображает Аполлона и муз. Витые бронзовые канделябры, наборный паркет, белые маркизы на окнах, зеркала. Следующий зал – каминный. Беломраморный камин, персидские ковры на полу, стены – античная штукатурка. У камина – диваны и кресла, поставленные прямоугольником, затянутые шелковой тканью Дольче – Габанна с тигровым принтом.

Белые боковые двери ведут в гостиную – снова персидские ковры на полу, диваны и опять ткань Дольче – Габанна, леопардовый принт, мраморные итальянские столики, белый рояль, гигантский телевизор-плазма и стены, затянутые алым сафьяном.

– Подождите здесь, – попросила Капитолина. – Располагайтесь, я скажу Феликсу.

Она закрыла двери, пятясь, не поворачиваясь спиной. Мещерский огляделся, прислушался.

Его окружала роскошь. Она была фонтаном из всех углов. Скромное снаружи, белое палаццо изнутри было отделано, словно драгоценная шкатулка. И все это великолепие выглядело не как старое, покрытое патиной великолепие родовых усадеб или музеев, а как новооб-

ретенное богатство, кичливое, во многом даже безвкусное, однако не лишенное своеобразной прелести.

Наглой прелести реализованных неограниченных возможностей и буйной фантазии, подчинявшейся не столько веяниям моды или правилам дизайна, сколько собственным прихотям.

Было странно сознавать, что вся эта роскошь располагается в привычных в общем-то реалиях Подмоскovie, Истры.

В глубинах палаццо слышались громкие голоса.

Мещерский прошелся по персидскому ковру, встал у окна – суета на подъездной аллее и не думала стихать. Появилась еще машина – синий грузовик «Фольксваген». И водитель вместе со Спартаком Ивановичем начали выгружать оттуда ящики и коробки. В ящиках были винные бутылки.

В этот момент за дверью опять раздались голоса – женский, мужской и звонкий детский. Двери распахнулись и...

– А я хочу! А я не пойду!

Крохотное существо в синем джинсовом комбинезоне и белой шапочке с заячьими ушами, сдвинутой набекрень, порскнуло в дверь и побежало, покатилося как колобок на толстых быстрых ножках, ловко уворачиваясь от рук, что хотели поймать и остановить его.

Таким Мещерский впервые увидел Аякса – трехлетнего сына Феликса Санина.

– А я не хочу! А они там коробки... а зачем коробки?

– Там разная дрянь, ничего для тебя интересного.

– А почему дрянь? А я тоже хочу! Хочу дрянь!

Карапуз не капризничал, он просто звонко возвещал миру о своем желании, прыгая как мячик, – шапка его с заячьими ушками совсем съехала набок, открывая светлые волосики, пухлые щечки покраснелись, голубые глаза сияли. Он побежал по ковру прямо к Мещерскому:

– Дядя грустный смотрит в окно. А дедушка Спартак таскает коробки.

Поймать малыша пыталась молодая женщина – светловолосая, небольшого роста, под стать Мещерскому, приземистая пышечка, облаченная в салатовый фартук-комбинезон из моющейся синтетической ткани. Мещерский решил, что это няня малыша. И не ошибся.

Следом за няней в зал вошел парень лет тридцати. И Мещерский сразу узнал его, потому что видел и по телевизору, и в Интернете. ГарГарик Санин по прозвищу Троль – младший брат Феликса – пранкер, чьи розыгрыши по телефону известных личностей часто оборачивались скандалами и всеобщими хохмами.

ГарГарик Троль был невысок, хрупок, имел совершенно непримечательную внешность, на его узком лице выделялись лишь глаза – светлые, они напоминали странным цветом своим, светло-серым, выжженное солнцем знойное небо. Взгляд был цепким и одновременно каким-то пустым.

– Это вы князь Мещерский? – спросил ГарГарик Троль, увидев гостя. – Мне Капитолина сказала, что вы приехали.

– Меня зовут Сергей.

– Милости просим. Света, уведите чудика.

При слове «чудик» маленький Аякс круто развернулся и побежал к ГарГарику.

– ГарГарик злой!

– А ты чудик с ушами.

Карапуз, словно мячик, на бегу врезался в ногу ГарГарика, боднул ее лбом.

– Аякс, ты меня уронишь! – нарочито испуганно завопил ГарГарик.

– Аякс всегда побеждает! – возвестил малыш и, снова ловко увернувшись от рук няни Светланы, выскочил вон из зала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.